

Влада Ольховская

ЗЕРКАЛЬНЫЙ ПАУК

Знак Близнецов

Влада Ольховская
Зеркальный паук

«Влада Ольховская »

2020

Ольховская В.

Зеркальный паук / В. Ольховская — «Влада Ольховская »,
2020 — (Знак Близнецов)

Ян Эйлер – молодой следователь, которому доверяют самые сложные дела. Именно ему поручено расследовать гибель богатой наследницы и трех ее подруг в тихом дачном поселке. На первый взгляд кажется, что до девушек добрался маньяк, но Ян не спешит с выводами, он быстро выясняет, что в прошлом каждой из жертв хватало темных тайн. Сделка с мафией, попытка увести чужого мужа, роман с садистом – что в итоге привело к кровавой расправе? Кажется, что ответ уже близко, однако против Яна неожиданно используют главную трагедию его жизни – убийство его сестры-близнеца, так и оставшееся нераскрытым. Теперь ему предстоит не только выйти на след неуловимого преступника, но и разобраться, кто так много знает о его прошлом и манипулирует его настоящим.

© Ольховская В., 2020

© Влада Ольховская , 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	24
Глава 4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Влада Ольховская

Зеркальный паук

Зеркальный паук совсем не похож на хищника. Нет, скорее, он, с его изящным полупрозрачным тельцем и зеркальными чешуйками, напоминает крупную каплю росы, наполненную солнечным светом. И лишь в последнюю секунду жизни его жертва понимает, что убийца был рядом с самого начала.

Глава 1

Его сестра сидела на скамейке у дорожки, шагах в десяти от Яна.

Его сестра умерла четырнадцать лет назад.

Он никогда прежде не сталкивался с галлюцинациями. Ян и подумать не мог, что его это коснется! Он был сильным – и он был полицейским, он проходил проверку каждый год, и ни один специалист не сомневался в его психической устойчивости. Но тем страшнее ему становилось сейчас, когда призрак вдруг появился перед ним без предупреждения, без причины!

Да, ему было страшно, и это ослабляло. Ян уже и забыл, что такое настоящий страх, он, кажется, сто лет ничего подобного не испытывал. В прошлом году ему пришлось задерживать сумасшедшего убийцу – психа, покрытого кровью, грязью, потерявшего человеческий облик. Ян хорошо запомнил момент, когда стоял там, напротив этого существа, смотрел в налитые кровью глаза и не чувствовал ровным счетом ничего. Его это не удивило, он намеренно научился не чувствовать, не бояться, не сомневаться. Наука была нелегкой, однако он справился.

Так почему же сейчас выдержка изменила ему, а все барьеры, которые он так долго возводил в своей душе, рассыпались? Почему сердце начало биться так быстро, что зашумело в ушах, а в груди стало больно, словно тот нож, который псих швырнул в него год назад, вдруг долетел до цели? Почему по телу, привыкшему к напряженным тренировкам и не знавшему усталости, вдруг прошла дрожь – верная спутница слабости?

Он не знал ответов. Он только и мог, что смотреть вперед, туда, где была она – и где ее не могло быть.

Если бы галлюцинация была менее реалистичной, Яну, пожалуй, было бы легче. Если бы он увидел темный лес, ревущее море, если бы вспомнил место, важное для него и сестры, он бы знал, что его сознание просто затеяло какую-то извращенную игру. Так нет же! Все вокруг него оставалось прежним. Ян бегал по этому парку не первый год, он изучил каждый маршрут, каждый изгиб дорожки, каждое дерево на своем пути. Все было, как раньше... кроме молодой женщины, мирно сидящей на скамейке.

Дорожка перед ним извивалась, чуть дальше она поворачивала направо, за ряды величественных старых каштанов. Слева раскинулось поле, поднимавшееся к пологому холму и заросшее высокой сочной травой – если в такую ступить, ноги скроются до самых щиколоток. Ночь была по-осеннему холодной, а день обещал баловать остатками летнего тепла, поэтому сейчас каждая травинка покрылась сотнями сияющих кристаллов росы, на которые светило утреннее солнце, белое и яркое, как прожектор. В воздухе пахло сухими листьями и мокрой землей. Поблизости никого не было... кроме нее.

Ему хватило секунды, мимолетного взгляда, чтобы узнать ее. Четырнадцать лет, как оказалось, значат не так много... Это все еще была она: худое, гибкое тело, смуглая кожа, точеное лицо с высокими скулами, легкая полуулыбка, которая в детстве так раздражала Яна. Как будто

сестра что-то знает, что-то важное для него, но никогда не скажет! Ее длинные волосы были собраны в хвост на затылке, за лето они выгорели и теперь казались почти белыми, как взвесь утренней росы. Его волосы тоже стали бы такими, если бы он поменьше времени проводил в кабинете...

Но больше всего для Яна значили ее глаза. Светло-серые, выглядевшие почти нечеловеческими на ее смуглом лице. Глаза цвета платины, редкий оттенок, который природа дарит немногим. Точно такие же глаза, как у самого Яна. Из-за этого он не мог ошибиться или обознаться, перед ним сидела та, кто просто не мог прийти в парк! Его сестра умерла, она зарыта глубоко под землей, и после четырнадцати лет от нее, пожалуй, остались только кости. Но кто тогда сидит перед ним, смотрит на него, как будто ждет чего-то?..

Он не мог больше это выносить. Боль в груди стала слишком сильной, у него закружилась голова – он даже пошатнулся, едва удержавшись на ногах. Все это было совсем на него не похоже! Он словно потерял внутреннюю точку опоры. Его разум привык не поддаваться плену страстей, а сразу же искать решение проблемы. Но сейчас решения не было – и Ян даже сомневался, что была проблема. Тому, что происходило с ним, нельзя было дать привычное название и объяснение. Он вдруг понял, что дышит часто, и вовсе не из-за тренировки. Он, человек, которого в полиции уважали даже старшие следователи, задыхался от волнения!

Нет, это не дело. Ему нужно было вернуть контроль – хотя бы отчасти. Поэтому Ян зажмурился, чтобы не видеть серые глаза, не видеть лицо, которое должны были стереть из его памяти годы. Он сосредоточился на правильном дыхании, он надеялся очистить сознание, устроить себе перезагрузку и этим спасти себя.

Но блаженная темнота помогала ему недолго. Его память будто обозлилась на него и теперь воспользовалась его уязвимостью, чтобы наполнить его сознание образами, от которых он так и не смог убежать. Его глаза оставались закрытыми – и все равно Ян видел...

Белый гроб, такой вызывающе светлый в этот пасмурный день... Букет из королевских лилий на закрытой крышке... Капли дождя бьют по гладкому дереву... Почему крышка закрыта?.. «Вам лучше не видеть». Все смотрят только на цветы. «Вам лучше не знать ее такой». Чуть дальше – венки и огромные букеты белых роз, но на крышке гроба – только лилии. Она их любила, это были ее цветы. «Вам лучше запомнить ее прежней, не смотрите...» Безликая толпа, серо-черное небо, белый гроб – запомни навсегда, ты все равно от этого не освободишься... В сыром воздухе аромат цветов, горький и сильный, расплзается повсюду, и от лилий пахнет жизнью, а не смертью, и Ян будто снова слышит ее голос... «Почему это вы все тут рыдаете? Радуйтесь, ведь я вернулась к вам навсегда, вы же этого хотели!»

Он сделал глубокий вдох и открыл глаза. Ему все еще было больно, и он чувствовал себя усталым – будто его выпотрошили изнутри, и ничего уже не осталось. От этого, как ни странно, стало легче: страх отступил, и Ян готов был справиться с тем, что на него обрушилось.

Но справляться было не с чем. Парк перед ним был прежним, тихим и безлюдным. Солнце поднялось чуть выше и теперь казалось не белым, оно потеплело, наполнилось золотом. Роса только-только начала высыхать, и воздух стал совсем уж тяжелым. А молодая женщина исчезла... на скамейке больше никого не было.

Ян не знал, как это понимать. Как в полусне, он пошел вперед, у него уже не было сил бежать. Он пытался понять, что только что произошло. Галлюцинация была такой яркой, такой... настоящей! Это знак серьезной болезни, которую нельзя игнорировать. Но с чего вдруг? Раньше у него не было никаких симптомов!

А может, все не так уж страшно? Возможно, на скамейке действительно сидела девушка, похожая на его сестру, незнакомка, которой тоже захотелось побегать в парке с утра пораньше. Ян заметил ее боковым зрением – и накатили воспоминания, которые сделали все остальное. У нее не было полуулыбки его сестры и не было этих платиновых глаз, тут уж постаралось его

воображение. Она просто была похожа на Александру – ту Александру, какой она стала бы в этом возрасте.

Он поддался наваждению и пялился, как последний дурак, на незнакомку. А каково было ей? Ян прекрасно знал, что выглядит далеко не безобидно. Так что для той девушки утро тоже не задалось: перед ней в безлюдном парке остановился какой-то бугай и уставился прямо на нее, не отводя глаза, а потом еще шататься начал – и наконец зажмурился! Естественно, она рванула от него при первой же возможности. Он держал глаза закрытыми достаточно долго, почти минуту, она успела бы сбежать, вот и все объяснение.

Страх больше не было, боль тоже отступила. Ян чувствовал себя пустым и безразличным ко всему, ему нужно было время, чтобы окончательно прийти в себя и притвориться, что этой встречи и всего этого утра не было.

Но если Ян хотел позабыть о мире, то мир точно не желал забыть о нем: в кармане толстовки запиликал телефон. Время было странное, слишком раннее для звонков по работе, да и любых других звонков. Достав телефон, Ян увидел на экране номер Церевина и понял, что спокойным это утро уже не будет.

Аркадия Андреевича Церевина он знал с детства – тот был протеже его отца. Прошли годы, и ситуация изменилась, теперь уже Церевин, желая вернуть долг, присматривал за Яном, помогая молодому следователю строить карьеру. Задача была несложной: Ян безо всякого покровительства быстро доказал, что выбрал правильную профессию. У него уже была собственная репутация, постепенно затмевавшая славу его отца.

Но при всей их старой дружбе, Церевин никогда не звонил просто так – в шесть утра. Значит, случилось что-то странное.

– Слушаю, – ответил Ян.

Голос звучал устало и хрипло, такого с ним раньше не случалось, но тут уж ничего не изменишь. Да если бы через него заряд тока пропустили, он бы и то чувствовал себя лучше! Церевин, естественно, все заметил.

– Ты что, бухал всю ночь? – недовольно поинтересовался он. – В ночь на понедельник? Ян, тебе уже не двадцать!

– Мне тридцать два, я помню. И я просто немного простыл.

– Да? Тогда заливай то, чем ты простыл, рассолом, или чем ты обычно лечишься, и марш на дело!

Он назвал адрес – и адрес был настолько странным, что отогнал остатки оцепенения, сковывавшего Яна изнутри. Да, так будет лучше. Нужно сосредоточиться на работе, это всегда отвлекает. Он был беспомощен, когда не знал, что происходит. Но Церевин только что предложил ему выход, пусть и ненамеренно: Ян должен был попасть в ситуацию, где придется думать много и быстро, ни на что не отвлекаясь.

А когда все закончится, он уже и не вспомнит, что напугало его в парке.

– Это в Подмосковье, – указал Ян. – Какого хрена я потерял в Подмосковье?

– Это дело особой важности, – голос Церевина звучал напряженно. – Его должен был расследовать я, но я не могу – как не могу и отстраниться.

– Почему?

– Не могу расследовать, потому что я в Калифорнии, а это чуть дальше Подмосковья и прямых электричек между пунктами А и Б нет. Не могу отстраниться, потому что дело действительно поганое, Ян, и сразу по многим причинам. Мне нужно, чтобы там был человек с мозгами, с чутьем, человек, который со мной на прямой связи... Ты – паршивый вариант, но ничего лучше у меня нет.

Ну, раз шутит, значит, еще не все потеряно... Хотя Ян все равно не расслаблялся. Он забыл о том, что Церевин укатил в США, но помнил, сколько там сейчас времени. Одного из

лучших следователей подняли посреди ночи и заставили действовать, искать себе замену – да, это указывает на необычность ситуации.

Цервин дал ему контакты оперативника и судмедэксперта, работавших на месте, и завершил вызов, а Яну нужно было спешить. Он побежал к дому, ни разу не оглянувшись на парк. Наваждение исчезло, он снова стал прежним.

Он жил недалеко от парка и до дома добрался быстро. Ян принял душ и переоделся: даже если дело срочное, не стоит заявляться туда в пропотевшем спортивном костюме. Он уже не был новичком, однако все еще выглядел достаточно молодо, чтобы у некоторых возникали сомнения в его профессионализме. Если чужое мнение не могло ему помешать, Ян не обращал на него внимания. Но сейчас ему было нужно, чтобы все, кто находится на месте преступления, сразу же сообразили, кто здесь главный.

Не прошло и получаса, как он выехал со двора, надеясь миновать утренние пробки. Из машины Ян связался с оперативником и за тот час, что отняла у него дорога, выяснил все подробности, которые уже были известны по этому делу. Что ж, несложно догадаться, почему Цервин там на ушах бегаёт!

Преступление произошло в тихом дачном поселке, принимавшем последних гостей перед тем, как впасть в зимнюю спячку. Одна из местных жительниц оказалась даже более ранней пташкой, чем Ян с его утренними пробежками. В пять утра она отправилась побродить по пустынным улицам поселка с собакой. Тогда она и заметила, что у соседей открыта входная дверь, хотя внутри не видно света и не слышно голосов.

Постоянно в этом домике никто не жил, но на выходные как раз приехали москвичи – дорога была заставлена машинами. Соседка видела их раньше, знала, что компания безобидная и нешумная. Она не сочла открытую дверь дурным знаком – решила, что они просто забыли ее запереть. Поселок считался безопасным, одним из тех местечек, где все свои. Соседка вошла во двор скорее из любопытства, позвала хозяев, но ей никто не ответил. Конечно, все спали!

Она не собиралась будить их, хотела лишь закрыть дверь и идти своей дорогой. Но тут ее собачка, не считаясь с планами хозяйки, забежала внутрь. Женщина такого не ожидала, она звала любимицу, однако реакции не было. Сгорая от смущения, она все же вошла в чужой дом – и увидела то, что вряд ли уже забудет.

– Да меня самого чуть наизнанку не вывернуло, – признал оперативник в телефонном разговоре. – Участковый вообще хлопнулся в обморок. В обморок, мать его, мужик сорока лет! Хотя чему удивляться? Самым громким делом в его карьере было похищение курицы. Единственный, кому на все пофиг, – наш эксперт. Но эксперт дело не решит. Я позвонил, куда надо, мне сказали, что пришлют толкового следака, не дадут местным тут рыться.

– Видимо, толковый следак – это я, – отозвался Ян. – Скоро об этом прознают журналисты.

– Думаю, уже знают! Я им не сообщал, если что. Но я знаю всю их шакалью породу.

– Поэтому и нужно оцепление, чтобы туда никого не пускали.

– Уже делаем!

– Так сколько у нас трупов, еще раз?

– Четыре.

Четыре мертвые женщины, убитые с особой жестокостью, сцена преступления, похожая на кадр из фильма ужасов, да еще и одна из жертв – наследница влиятельной семьи... Не таким Ян представлял свой понедельник!

Дачный поселок был старый – из тех, что построили еще в советские времена. А потом земля здесь стала элитной, и вряд ли кто-то из прежних жителей задержался надолго. Впрочем, и однообразными коттеджами, символизирующими детскую мечту о личном замке, это место не заросло. Здесь, среди пышных волн зелени, проглядывали аккуратные деревянные домики, от которых сразу веяло уютом и воспоминаниями о детстве. Центральная дорога была ровной,

покрытой свежим асфальтом, а вот от нее ветвями шли разномастные подъезды к воротам и гаражам: где плиточные, где гравиевые, а где и земляные.

Дом, в котором произошло преступление, располагался на окраине улицы и не относился к числу самых дорогих. Полиция уже провела здесь неплохую работу: выставили дежурных, за ограждение, обозначенное лентами, посторонних не пускали, но у Яна проблем не возникло, его уже ждали.

Он теперь был в своей стихии, к нему вернулась привычная уверенность. Болезненная усталость отступила, он чувствовал себя полным сил, мозг работал безупречно, отмечая все детали – даже те, что на первый взгляд казались неважными. Никогда не знаешь, что пригодится в решающий момент!

Итак, сам домик небольшой, старый, одноэтажный. Построен в семидесятых-восемидесятых, модернизирован. Стены покрашены темно-синей краской не меньше двух лет назад, на крыше – темная черепица, на стенах – резные ставни, но определенно новодел, не подходивший домику. Вокруг дома – деревянный забор, невысокий, открытого типа, и можно рассмотреть, что происходит на участке. Гаража нет, судя по состоянию травы, машину ставили на площадке перед домом. Там и сейчас стоит автомобиль, еще два – перед воротами на улице, и это не считая служебные машины. А жертв четверо. Значит, кто-то приехал на чужой машине, эти женщины были не из тех, кто пользуется пыльными загородными автобусами.

Двор при домике небольшой, неухоженный, но в этом тоже есть свой шарм. Дизайнера к этому месту и близко не подпускали, сразу видно, и «свои грядочки» разбить не пытались. Трава очень высокая, не косили с августа, и она переплелась гибкими косами, тянувшимися во все стороны. У забора – три старые яблони, между ними – высокие золотые шары, цветы, которые в прошлом обожали в деревнях. Они уже растеряли все желтые лепестки и теперь казались ссохшимися и едва живыми.

Меньше всего травы было у ворот, где стояла машина. От калитки тянулась узенькая тропинка, засыпанная разноцветными камушками, но ее постепенно поглощали сорняки, и в следующем году наверняка пришлось бы делать новую. В центре двора тропинка разделялась, расходилась в разные стороны. По одной можно было пройти к добротному каменному мангалу, укрытому в кустах сирени, по другой – добраться до широкого деревянного крыльца. Входная дверь действительно хорошо просматривалась со стороны дороги, тут соседка не соврала. А вот заглянуть в комнаты было невозможно: окна надежно прикрывали ветки.

Оперативник, с которым Ян разговаривал по телефону, встречал его у крыльца, в дом они прошли уже вместе. Там все еще работали эксперты, не обратившие на следователя никакого внимания. Они вообще ничего не говорили, и такая звенящая тишина была редкостью на месте преступления – но она отлично сочеталась с тяжелым и густым запахом крови, заполнившим дачный домик.

– Сколько комнат? – уточнил Ян. Он не хотел понижать голос, это получилось само собой. Как будто он уже оказался в морге и каждое его слово разлетится тут насмешливым эхо.

– Три: гостиная и спальня здесь, на первом этаже, плюс жилой чердак.

– И тут хватило места для четверых?

– Можно было и больше поселить, если требования невелики, – пожал плечами оперативник.

Пока теория Яна подтверждалась: домик был небогатый, хотя и не из тех дач, что немногим лучше конуры. Если среди погибших и правда была богатая наследница, домик определенно принадлежал не ей. Но она согласилась приехать в такое место, значит, была не из снобов, брезгующих всем, что по цене уступает яхте. Ян знал, что подробности он выяснит потом, когда пройдет шок, когда начнут работать другие специалисты. Об этом можно пока не думать. Сейчас главное – место преступления, то, что скоро исчезнет, и никакие фотографии не вос-

создадут его в полной мере. Поэтому он направился вперед, в гостиную, там запах крови был самым сильным, оттуда он разлетался по дому.

Уже оказавшись в дверях, он увидел сцену расправы – как, должно быть, увидела ее обнаружившая тела соседка. Интересно, как она отреагировала? Следов рвоты у порога нет, значит, сдержалась... Скорее всего, сразу рванула прочь, позабыв про собачку. А что собачка побывала на месте преступления – плохо. Но не критично. Критично тут другое...

Гостиная была самой большой комнатой в доме – и все равно не слишком просторной. В дальнем углу ютилась маленькая кухонька, возле которой снесли стены, чтобы получить еще немного пространства. А центральное место возле окон занимал большой дубовый стол, место для дружеских посиделок и разговоров по душам... Но это раньше. Теперь – место убийства.

Одна из жертв лежала на столе. Молодую женщину раздели, уложили на спину и вскрыли. Обо всем этом Ян думал без жалости, без страха, он анализировал и запоминал. Разрез один, от паха до начала грудной клетки, потом рану расширили, но, кажется, ничего не вырезали. Несчастную оставили ровно в центре стола, как букет цветов... или как главное блюдо.

Остальные жертвы сидели на высоких стульях у стола – старинных или удачно сделанных под старину. У стульев не было подлокотников, спинки поднимались под прямым углом, и мертвые тела не удержались бы на них, если бы убийца не привязал их. Ему было нужно, чтобы они даже после смерти сидели за столом и смотрели на свою мертвую подругу. Подойдя поближе, Ян обнаружил, что преступник использовал крепкую рыболовную леску. В домике не было никаких снастей, здесь собрались женщины, значит, леску он привез с собой: он готовился ко всему этому, он все продумал до мелочей.

Одна женщина сидела во главе стола, две – рядом с окнами, одно кресло осталось пустым, но чуть отодвинутым, словно ожидало кого-то. Вот только кого? Ту, что лежала на столе – или другую гостью? Или самого убийцу?

Яну не нужно было спрашивать о причинах смерти, пока все казалось очевидным. Выпотрошили только женщину на столе, всем остальным перерезали горло. Но вот что странно... Стараясь рассмотреть их залитые кровью тела, Ян не видел никаких следов борьбы: ни синяков, ни ссадин, ни сломанных ногтей. Похоже, они не сопротивлялись! Между тем леска не оставила на коже травм, ее, похоже, намотали посмертно, не чтобы связать жертв, а чтобы закрепить трупы в нужных положениях. Как убийца это проделал, если был один? А если был не один... неужели соседи упустили бы целую толпу чужаков? Москвичек, приехавших сюда, заметили сразу, в поселках, где все друг друга знают, обращают внимание на посторонних.

– Орудие убийства? – спросил Ян.

Оказавшись на месте преступления, он всегда отмерял слова очень скупно. Болтовня отвлекала его, мешала сосредоточиться, и он предпочел бы получать такие же лаконичные ответы. Он знал, что одни коллеги принимали его безучастное молчание за страх, другие – за бесчувственность. Ему было плевать. Когда он начинал работу, значение имело только одно: поймать убийцу как можно скорее.

– Не найдено, – отозвался оперативник. – Предположительно, очень острый нож.

– Скальпель?

– Нет, лезвие не меньше пятнадцати сантиметров. Это умник наш так сказал, можете с ним поговорить.

Но отвлекать судмедэксперта Ян сейчас не собирался, он видел, что в комнате много работы. Первые часы – самые важные, каждый должен составить *свое* впечатление, а время обменяться мнениями еще будет.

Ян подошел к столу, чтобы получше разглядеть жертв. Это тоже было первое впечатление: не знать имена, не знать возраст, не знать, кто из них та самая богатая наследница. Просто смотреть и видеть.

Та, что лежала на столе, была очень красивой. Убийца изуродовал ее тело, но лицо не тронул. Возможно, из уважения к этой красоте? Даже в смерти она выглядела спокойной, как спящая аристократка, а ее длинные угольно-черные волосы, волнами окружавшие голову, впитывали кровь, растекавшуюся от тела, не позволяли заметить ее. Ян еще не был уверен в этом, но ему казалось, что она не страдала.

Жертвы, изображавшие гостей на этом кровавом застолье, остались одетыми. Во главе стола сидела молодая женщина, худенькая, миниатюрная, казавшаяся подростком, но Ян умел замечать все, он знал, что ей около тридцати – как и всем им. Это логично, он бы удивился, если бы на такой девичник собрались представительницы совсем уж разных поколений. Светлые волосы девушки были подстрижены очень коротко, ей это шло – и позволяло разглядеть чудовищную рану на шее. Похоже, один удар, сильный, но уверенности пока не было.

Остальные двое были убиты так же, явно одной рукой. Если здесь и собралась банда психов, то убивал все равно лишь один из них. Девушка, сидящая справа, была крупной и полной, девушка слева отличалась обычным телосложением, средним, похоже, она активно занималась спортом и следила за собой – но это уже покажет осмотр без одежды. У обеих были длинные волосы, не позволявшие толком изучить раны на шее.

Ян еще не закончил осмотр, когда его внимание привлек шум в коридоре. Оперативник все это время стоял рядом с ним, но снаружи дежурили полицейские, так что ничего особенного произойти не могло, и все же произошло. Прежде чем Ян успел разобраться, что там за вопли начались, в залитую кровью комнату ворвался незнакомец.

Он на пару секунд замер на пороге, и этого следователю было достаточно, чтобы разглядеть его. Невысокий, но и не низкий – около метра семидесяти пяти, пожалуй. Кость широкая, однако сам он не полный, просто чуть одутловатый, мало двигается, много сидит. Молодой. Лицо с заметными отеками, черты непримечательные, запомнить сразу можно разве что большие, чуть навывкате глаза.

Такой тип не смог бы пробиться мимо дежурных силой, но его дорогой костюм намекал, что сила и не понадобилась. Его пропустили, потому что побоялись связываться с ним.

После недолгой паузы мужчина бросился вперед и обнял одну из девушек, привязанных к стульям.

– Лиза! – взвыл он, прижимаясь к ней, не обращая внимания на то, что кровь уже пропитывает его костюм.

Ян достаточно хорошо разбирался в людях, чтобы понять: этот тип не симулирует. Мужчину действительно трясло от шока, глаза были шальными, он даже не замечал, что плачет. Он задыхался от рыданий, он прижимался к погибшей, словно надеясь передать ей частичку собственной жизни. Его горе было настолько очевидным, настолько всеобъемлющим, что оно пульсировало в воздухе, поражая всех, кто находился рядом. Даже Ян, со всей его выдержкой, опомнился не сразу, однако все равно он был первым.

– Убрать его, – велел он подоспевшим дежурным.

Он умел отдавать приказы. Возможно, они знали этого мужчину и пропустили его сюда намеренно – из жалости или из опасений перед его возможностями. Но сейчас они четко поняли: в этой комнате нет для них большей угрозы, чем Ян. Поэтому они подскочили к незнакомцу и, стараясь не смотреть на стол, начали оттаскивать его в сторону.

Он сопротивлялся, но вяло, сонно, как будто не владел до конца собственным телом. Он больше не кричал, он всхлипывал и взглядом искал, к кому сейчас можно обратиться, кто его поймет.

– Вы не должны, вы не знаете... – причитал он. – Это моя сестра, Лиза, я ее знаю! Не забирайте меня от нее! Я – Григорий Давыдов, разве вы не понимаете?..

– Григорий, постарайтесь успокоиться, – холодно посоветовал Ян. Ему сейчас было не до сочувствия. – Я соболезную вашей утрате, но вы не должны находиться здесь.

– Вы не понимаете! Это моя сестра!

Моя сестра...

Белый гроб, белые лилии... Стук дождя и горький запах... Ее больше нет, меня больше нет...

Ян тряхнул головой, отгоняя наваждение. Да что ж это такое сегодня! Он разозлился на себя, а выместил эту злость на Давыдове, по-другому сейчас не получалось.

– Подождете вместе с остальными! – рявкнул он. – Вы уже испоганили место, где еще работают эксперты, не нужно все усугублять!

– Но я могу помочь!

– Вы сделали достаточно.

– Вы не понимаете! – Давыдов сумел вывернуться из рук дежурных, но обратно к сестре не бросился, словно хотел доказать Яну, что он владеет собой и действительно может быть полезен. Он только посмотрел на стол и указал на вскрытое тело. – Это все из-за нее! Я знаю, что здесь случилось и кто их убил!

Глава 2

– Я тебя ненавижу! Ненавижу всем сердцем, только тебя – одного во всем мире!

Нина Эйлер знала, что ее пациентке тридцать шесть лет. Но если бы не знала, предположила бы, что сорок пять, не меньше. Женщина, сжавшаяся в кресле перед ней, выглядела затравленной, уставшей настолько, что ей и столетие отдыха не поможет. Она рыдала так сильно, что ее худенькое тело сотрясалось, слова выливались из ее горла черным ядом. Вот только этого яда скопилось так много, что ни одна исповедь не выпустит его весь наружу. А хуже всего было то, что после окончания сеанса пациентка снова замыкалась в себе, мусолила одни и те же обиды, наполняясь ненавистью. Замкнутый круг.

Так что обычные методы ей не помогали, нужно было что-то новое, способное раз и навсегда вытолкнуть ее из кокона озлобленности на весь мир. Но Нина пока не придумала, что именно, да и пытаться не собиралась. Она слушала пациентку вполуха, кивала, однако смотреть предпочитала не на нее, а на букет садовых астр, стоящий на подоконнике.

Дивные цветы. Свободные, похожие на всполохи салюта в ночном небе – красные, белые и фиолетовые. Восхитительно неправильные в лохматой небрежности своих лепестков, очень яркие, пахнущие осенним садом и холодной ночью. Нина могла позволить себе любые цветы, но предпочитала эти, в них было что-то честное, превосходившее пластиковую красоту строгих голландских роз.

В букете она видела кусочек своего детства и думала только о нем. Пациентка измотала ее, вытянула всю энергию, и Нина была вынуждена отстраниться от этого разговора. Она найдет способ помочь – но потом. Ей нужно было сохранить себя, она давно усвоила, что для психотерапевта это важнее всего.

Наконец этот долгий, долгий час закончился. Пациентка смущенно вытерла слезы двумя бумажными платочками, высморкалась в третий и еще пять минут благодарила Нину. Нина улыбалась ей в ответ, привычно заверяла, что все в порядке, и тихо радовалась тому, что у нее сейчас перерыв на обед, потом – внезапно образовавшееся «окно» между приемами. Она целых три часа сможет *молчать* – какое же это счастье!

Но оказалось, что расслабилась она рано. Не прошло и секунды после того, как ее кабинет покинула пациентка, когда дверь снова открылась. Не спрашивая у Нины разрешения, в комнату вошел рослый мужчина в спортивных ботинках, темно-синих джинсах и черной кожаной куртке. Прекрасно знакомый ей мужчина.

– А ты что здесь забыл? – поразилась Нина.

Она не ждала его сегодня – он не звонил, и у него не было ни единой причины приезжать сюда. Но вот он здесь: уже скинул куртку и плюхнулся на диван, всем своим видом показывая, что уходить не собирается. В руках Ян держал кожаную папку на молнии, в таких он обычно носил важные документы.

– Что, я не могу просто навестить сестру? – улыбнулся он, и улыбка была настолько очаровательной, что даже Нина, прекрасно знавшая все его трюки, не была полностью защищена от ее воздействия.

Иногда бывали моменты, короткие и странные, когда ей не верилось, что это – ее брат.

Вроде бы, все логично и правильно, жизнь идет своим чередом, но как же все-таки такое возможно? Как мог худенький мальчишка, смешливый и ласковый, которого она носила на руках, превратиться вот в этого высоченного красавца? Это происходило много лет – и будто бы случилось за миг.

Ян был самым высоким в их семье, тут он неожиданно обогнал даже отца. Старший брат старался делать вид, что это его нисколько не задевает, но получалось слабо. Сколько там у него? Метр восемьдесят пять, не меньше, и при этом – широкоплечий, длинноногий,

спортивный. Нина знала, что он держит себя в форме, потому что ему это нужно, профессия такая, но результат все равно один: сложно было найти женщину, которая не обернулась бы, когда Ян Эйлер проходил мимо. Его фигура привлекала – а его глаза завораживали, и если бы он захотел, он без труда стал бы актером или моделью, но само такое предположение способно было вызвать у Яна только взрыв хохота.

Большую часть времени он выглядел отстраненным, высокомерно холодным и безразличным ко всему. Так, по крайней мере, казалось окружающим, и если женщины прощали ему это скучающее превосходство за красоту, то мужчины с трудом выносили его. Но Нина знала, что все это – лишь иллюзия. Ее младший брат был интровертом, каких мало, его мысли и чувства таились где-то внутри, подвластные ему одному. Если ему нужно было получить чье-то расположение, он умел найти нужные слова, правильно взглянуть, вовремя улыбнуться, поэтому обычно Ян получал то, что ему нужно, сразу и без особых усилий.

Нина не собиралась ему подыгрывать. Она прекрасно знала, что он избалован, однако кто-то должен его осадить!

– Ты не приходишь ко мне просто так, тебе что-то нужно, – указала она. – Но что бы это ни было, придется подождать, у меня сейчас пациент.

– А вот и нет, – беззаботно возразил Ян. – Я позвонил твоей секретарше и узнал график приемов. У тебя сейчас обед, а потом еще часа полтора свободного времени. Так что я очень кстати, ты и заскучать не успеешь!

Предусмотрительный маленький хорек... Нине пришлось менять тактику:

– Да, у меня обед. Но я хочу провести обед так, как и нужно: я буду обедать.

– Слишком банально.

– Меня устраивает. Ян, если чего-то хочешь – жди!

Он наконец посерьезнел. Светло-серые глаза, устремленные на нее, казались прозрачными, мерцающими, как лунный камень. Нина знала, что на многих этот взгляд действовал гипнотически, на нее – нет. Ее собственные глаза были точно такими же.

– Нин, боюсь, дело не терпит отлагательств, – признал Ян, расстегивая кожаную папку. – У меня тут дело наметилось... плохое. Гнилое.

– И ты притащил его мне?!

– Мне нужно мнение специалиста, а никого лучше тебя я не знаю.

– Я не криминальный психолог, – напомнила Нина.

– Я им не доверяю. Ты – психотерапевт, причем великолепный.

– Я помогаю жертвам насилия вернуться к нормальной жизни. Подозреваю, ты попросишь меня не об этом.

– Правильно подозреваешь. Я хочу, чтобы ты посмотрела на место преступления и сказала мне, что думаешь о человеке, совершившем это.

Он протянул ей пачку фотографий. Нина не притронулась к ним, не взглянула даже.

– Ян, я не хочу. Понимаю, мои слова звучат эгоистично... Но то, что ты просишь, очень тяжело.

– Поверь мне, я знаю. И я никогда не считал, что это так – мелочь. Я понимаю, что это удар, которому я не имею права тебя подвергать. Но мне нужно знать, кто он такой, с кем я имею дело. Это убийство называют и религиозным, и маниакальным... Я пока не решил, на чьей я стороне, я хочу послушать тебя.

Ей все еще хотелось отказать ему, но вместо этого Нина приняла у него фотографии. Тень полицейской работы всегда висела над семьей Эйлер, так почему она должна стать исключением? Ее с детства учили делать то, что нужно, и не важно, чего ей хочется, чего – нет.

Но рассматривать снимки она все равно не спешила.

– Расскажи мне, что тебе известно, – попросила Нина.

– Пока – немного, тела нашли только вчера, мы почти весь день возились на месте преступления. То, что я с тобой говорю, – это не часть расследования, у меня тоже обеденное время. Я прошу тебя о личной услуге, это останется между нами.

– Как и твой рассказ.

Он не стал говорить, что она никому не должна упоминать об этом деле, за которым сейчас наверняка охотятся журналисты. Нина и сама все прекрасно понимала.

– Сделать тебе чай? – предложила она.

– Нет, спасибо. Когда я все это вспоминаю, последнее, чего мне хочется, – это есть или пить.

То, что потом превратилось в кровавую резню, начиналось банально: четыре подруги решили провести воскресенье за городом. Все они жили и работали в Москве, так что дачный покой вполне мог привлечь их. Они были знакомы много лет, все – в одной возрастной группе, погибшим было от двадцати шести до тридцати. Лишь одна из них была по-настоящему богата, но остальные были вполне обеспечены, так что говорить об остром неравенстве между ними не приходится.

Они собрались на даче в воскресенье утром, делали шашлыки, часто появлялись во дворе, их видели соседи. Их все время было только четверо – никто больше не пришел, никто не ушел. У тех, кто их видел, не было впечатления, что женщины напуганы или насторожены чем-то. Вечером они собрались за ужином, судя по показаниям знакомых, в этот же день они должны были уехать, утром некоторым из них нужно было на работу.

И вот тут что-то случилось. Эксперты установили, что женщины погибли между десятью и двенадцатью часами вечера – то есть, не слишком поздно, многие в дачном поселке еще не спали. Правда, ближайший дом пустовал, но в остальных жили люди, и они не слышали ни криков, ни даже разговора на повышенных тонах.

Создавалось впечатление, что убийца пришел и расправился с ними, а они просто приняли это. Дикая ситуация! Некоторая ясность в ней появилась только после того, как пришли первые результаты анализов.

– Женщину, которую нашли на столе, звали Елена Чайкина, – сообщил Ян. – Ее оглушили ударом по голове. Так же поступили с еще одной погибшей, а вот остальных двух усыпили хлороформом.

– Хлороформом? – недоверчиво переспросила Нина.

Они оба понимали, что метод неудобный и рискованный. Это только в фильмах жертва засыпает, едва сделав вдох. В реальности же, нужно прижимать ткань, намоченную хлороформом, несколько минут, причем очень плотно. А несколько минут – это целая вечность, если жертва сопротивляется!

Убийца был один, жертв – четверо. Тех, которых оглушили ударом, можно списать со счетов, с ними все произошло быстро. Но как он справился с двумя другими?

– Может, он связал их, а потом усыпил? – предположила Нина.

– На телах нет следов. Пока у нас установлен такой порядок: сначала он оглушил или усыпил их, потом – убил, а потом только привязал. Хотя я допускаю, что он мог привязать их, а потом убить, и это не сыграло бы никакой роли, потому что они уже были без сознания и не дергались.

– Даже так, он действовал очень нагло...

– Да, этот тип определенно знал, что делает. Его нападение не было спонтанным, он подготовился и все изучил. Ему нужно было не просто убить их, а устроить какой-то ритуал. А теперь посмотри уже, как он расположил жертв!

Тянуть с этим и дальше не было смысла. Нина сделала глубокий вдох, медленно выдохнула и перевела взгляд на фотографии. Если бы отец узнал, что Ян притащил ей это, он был бы так зол... Но отец не узнает. Отцу уже все равно.

Пока она рассматривала снимки, Ян продолжил рассказ:

– Там вся команда на взводе была. Это тебе не на поножовщину приехать! Понятно, почему Церевин направил меня на это.

– А тебя Церевин направил?

– Ну не сам же я по всем дачам под Москвой шастаю! Он сейчас в Штатах, ему не до того. Хочет, чтоб я занялся.

Нина понимала, почему Аркадий Церевин этого хочет. Тут нужен человек с предельно устойчивой психикой, холодный и жесткий, да еще и с острым умом. Лучшего кандидата, чем Ян, не найти! И все равно ей было неприятно, что ее младшему брату предстоит возиться со всем этим.

– Я только приехать тогда успел и осмотреться чуть-чуть, версий у меня не было, все это смотрелось каким-то сюрром. И тут в дом вваливается брат одной из жертв и заявляет, что он все знает и готов назвать нам имя убийцы! Я сначала был уверен, что это полный бред. Мужик был не в себе, его колотило, в таком состоянии придумать виноватого – раз плюнуть.

– Но ты не отмахнулся от него?

– Нет, конечно, за кого ты меня держишь? Вывел на улицу, дал отдышаться, поговорил. Все оказалось не так плачевно: никакого имени убийцы он нам не назвал, но важную подсказку все-таки дал. Теперь понятно, откуда танцевать можно.

Свидетель оказался братом той самой богатой наследницы, из-за которой дело оказалось на особом счету. Григорий и Елизавета Давыдовы всю жизнь были довольно близки, он был знаком со всеми ее подругами, неплохо к ним относился – ко всем, кроме одной.

Его всегда раздражала Елена Чайкина, та самая женщина, которая в итоге оказалась на столе. По словам Григория Давыдова, она была «бедовой», вечно попадала в какие-то неприятности, связанные преимущественно с мужчинами. С работой у Елены все было нормально, а вот в личной жизни ей патологически не везло. В свои двадцать восемь лет она не могла похвастаться отношениями, длившимися дольше двух месяцев.

Недавно судьба обрушила на нее особенно страшный удар: ее изнасиловал какой-то сумасшедший, а потом начал преследовать ее.

– Так, стоп! – нахмурилась Нина. – Она рассказала все это брату своей подруги, с которым у нее всегда были напряженные отношения?

– Нет, конечно. Кое-что рассказывала ему Лиза, когда ее саму настолько беспокоили проблемы подруги, что ей нужно было с кем-то поделиться – с кем-то, кто не передаст ее возмущение Елене. Кое-что Давыдов попросту подслушал, когда она говорила по телефону. К сожалению, меньше, чем мне хотелось бы... И в итоге мы знаем слишком мало.

Григорий Давыдов понятия не имел, когда именно на Елену напали, но предполагал, что весной или в начале лета. Она обожала фотографию, часто бродила с камерой одна, в тот день отправилась в лесопарк – благо свободный график маркетолога-консультанта позволял делать это, когда ей вздумается. Со слов Давыдова, Елена была легкомысленной и уверенной в себе, она никого не боялась, ей казалось, что она кому угодно даст отпор, потому что у нее язык хорошо подвешен.

Но в том лесу ей попался человек, который не собирался вести с ней светские беседы или меряться интеллектом. Он был вполне доволен преимуществом в грубой силе. Он оттащил Елену подальше от дорожки, туда, где никто не мог ей помочь, и жестоко изнасиловал. А пока она приходила в себя, преступник порылся в ее сумочке, сфотографировал паспорт, взял визитку. Благодаря этому он теперь знал, где она живет и кем работает. Покончив с этим, насильник просто ушел, оставив ее одну.

Елена решила не писать заявление в полицию. Ей хотелось сохранить образ сильной женщины, с которой ничего плохого не происходит. Да она об мужчин ноги вытирает, какое изнасилование!

– Не факт, что все было именно так, – покачала головой Нина.

– Я тебе пока передаю слова свидетеля. Он думает, что так.

Елена была уверена, что все закончилось, и напрасно. Насильник начал преследовать ее. Всех подробностей Давыдов не знал, он только выяснил, что маньяк мелькал рядом с Еленой, однако старался не показываться на глаза другим людям, близко до поры до времени не подходил. А потом снова напал – дождался, пока она останется одна. На этот раз она вроде как пошла в полицию, хотя Давыдов не был в этом уверен, ему просто показалось, что его сестра говорила о чем-то таком по телефону. В любом случае, Елена отказалась проходить медицинское освидетельствование, и дело просто замяли.

А потом она забеременела. То ли после второго изнасилования, то ли было еще что-то, свидетель не мог сказать наверняка. Насильнику стало известно об этом, и он строго-настрого запретил Елене делать аборт. Но она не была бы собой, если бы стала слушаться чьих-то приказов! Она некоторое время сомневалась, однако не из страха, она просто не решила для себя, хочет ли этого ребенка.

Потом все-таки пришла к выводу, что не хочет.

– Эта информация уже подтвердилась, – сказал Ян. – На прошлой неделе Елена Чайкина действительно сделала аборт.

Она была уверена, что уж теперь-то в истории поставлена точка. Она вроде как отомстила своему насильнику, нанесла ему единственный удар, на который была способна, показала, что она не сломлена и не будет ему подчиняться. Возможно, именно это она хотела отпраздновать, собрав подруг, Давыдов заявил, что приглашения рассылала она, хотя дача принадлежала другой погибшей.

Они собирались праздновать – а оказались на собственной казни. Ритуал с телами, центр внимания на Елену Чайкину, рана у нее на животе – все это намекало на то, что с ней недавно произошло. Она недооценила своего преследователя, решила, что изнасилование – это худшее, на что он способен, раз он до сих пор ее не убил. А его безумие оказалось куда опасней, и он не простил смерть своего ребенка.

Поэтому теперь Давыдов считал Елену виноватой в гибели своей сестры и всех остальных.

– Эта версия тянет на основную, – признал Ян. – Все сходится удачно: мотив, возможность, характер убийства. Я не думал, что мне однажды доведется ловить маньяка – настоящего маньяка. Но это нужно сделать. Если все именно так, как предполагает Давыдов, этот псих уже не остановится. Думаю, Елена Чайкина была не единственной жертвой, которую он преследовал и насиловал, но раньше он не убивал. А если он убил вот так, если он вообще до такого додумался... Хрен его знает, на что он еще способен.

– Обычно убийцы такого рода не делают шаг назад, – неохотно согласилась Нина. – Если он получил удовольствие от убийства, рано или поздно он захочет это повторить.

– Вот именно, и я готов начать охоту. Но сначала скажи мне, если сможешь: мы хоть в правильном направлении двигаемся?

Нина просмотрела фотографии медленно, одну за другой, потом – еще раз. Она не представляла, как Яну удастся оставаться таким спокойным. Он ведь видел больше, чем фотографии, он был там! А ее от картинок воротит, и никакое образование тут не поможет. Но Ян всегда был таким, это врожденный дар, которому бесполезно завидовать.

– Да, я думаю, вы двигаетесь в правильном направлении, – кивнула Нина. – Я не могу сказать тебе, маньяк это или нет, каким расстройством он страдает. Но я точно вижу одно: он не был спокоен, когда делал это. Он был сильно возбужден. Улики какие-нибудь есть?

– Ничего толкового.

– Значит, его подготовка была тщательной и грамотной. Он знал, что делает, он наверняка сотни раз прокручивал все в голове. Но когда дошло до нападения, он не смог совладать с

собой. Дело не в том, что он боялся разоблачения, думаю, он знал, что ему никто не помешает. Просто вид смерти и крови серьезно на него повлиял, это превзошло все его фантазии. Возможно, он нервничал из-за сексуального возбуждения или из-за злости на женщину, убившую его ребенка, нарушившую его приказ. В любом случае, это не работа профессионала, который просто хотел слепить гротескную картинку для полиции.

– Это все?

– Все, что я могу сказать прямо сейчас.

– А если изучить фотки подольше да повнимательней?

Но Нина уже сложила фотографии аккуратной стопкой, которую поспешно спрятала обратно в папку.

– Этого я как раз делать не буду.

– Почему? – удивился Ян.

– Потому что, если ты не заметил, я не железная! Это ты у нас человек без страха и верный рыцарь справедливости. Я не хочу лезть в эту грязь, тащить ее в свое свободное время и тем более в свой дом.

– Я понимаю, почему тебе это неприятно. Я...

– Да, да, знаю, ты считаешь это необходимым, – прервала его Нина. – Но я и так тебе уже помогла, дальше разбирайся сам! Это твоя работа.

– Люди страдают.

– А я уже страдаю!

Она хотела, чтобы он ушел. Но Ян не сдвинулся с места, он продолжал разглядывать ее этим своим холодным, проникающим в самую душу взглядом, перед которым ломались любые барьеры.

– Он не уйдет с улиц сам, это ты понимаешь? – спросил Ян.

– Да.

– Он будет жить с тобой в одном городе. Он может оказаться с тобой в одном магазине.

Он однажды посмотрит на твою дочь...

– Ян! – От возмущения Нина взвилась на ноги. – Ты забываешься! Как ты смеешь даже предполагать такое!

Но он и бровью не повел.

– Я – полицейский, и я видел всякое. Я предполагаю *такое*, потому что я видел, как это происходит. Он нападает на молодых красивых девушек, Нина. Мы не знаем, кого он выберет в следующий раз.

Как она вообще могла надеяться, что выиграет у него на его же поле? Ян всегда получает, что ему нужно, все это знают! Поэтому она бросила на него укоризненный взгляд, но все же убрала папку с фотографиями в свой рабочий стол.

– Хорошо. Я взгляну на это еще раз, потом, свежим взглядом... Я позвоню тебе, если обнаружу что-то новое. Но не вздумай меня торопить или давить на меня!

– Не вздумай. У меня на это и времени не будет! Спасибо, Нина.

Вот теперь он должен был уйти. Он получил, что хотел, не было больше причин задерживаться в ее кабинете. Но Ян почему-то даже не поднялся, он все так же сидел на диване и рассматривал разноцветные астры в глиняной вазе.

Он что?.. Да, ей не показалось, Ян действительно избегал ее взгляда! Ее младший брат, такой сильный, уверенный и невозмутимый, почему-то не мог посмотреть ей в глаза! Что-то повлияло на него, пошатнуло пьедестал, на котором он обычно стоял.

Вот только что? Это было настолько невероятно, что Нина даже предположить не могла. Не помогал ни опыт психотерапевта, ни знание жизни Яна, доставшееся ей на правах сестры. Это точно не работа, о маньяке-убийце он только что говорил равнодушно. Но что еще, если работа – вся его жизнь?

Предположить она так и не смогла, пришлось спрашивать:

– Ян, у тебя все в порядке?

Вопрос был чистой воды формальностью. Если бы все было в порядке, он бы давно ушел.

– Я не уверен, что нужно говорить об этом, – задумчиво отозвался он. – Особенно сейчас, когда расследование важнее всего...

– Нет, – возразила Нина. – Расследование меня не слишком волнует. Для меня важнее всего ты.

– Спасибо, конечно, но и я могу тебя разочаровать. Я не знаю, как это правильно сказать, чтобы ты не сочла меня психом.

Странности продолжались. Ян сомневается, отводит взгляд и смущается... Ян, обладающий выдержкой бетонной плиты! Это ненормально, но вовсе не делает его психом. Зная своего брата, Нина могла предположить, что ему причинили боль, очень серьезную, и это потрясло его так, что он теперь не решается заговорить о случившемся. Но хочет, и это уже хорошо!

Она не желала обсуждать расследование так же сильно, как хотела помочь брату. Теперь уже Нине не хотелось, чтобы он просто взял и ушел.

– Если ты не можешь доверять мне, то кому тогда можешь? – мягко сказала она.

– Да, пожалуй, ты права, но... Я могу быть уверен, что это останется между нами?

– Конечно!

– Нина, я серьезно. Твоему мужу – нет. Павлу – нет. Кириллу – нет. Никому!

– За кого ты меня держишь? – возмутилась Нина. – Это врачебная тайна, в конце концов!

– Надеюсь на это... Вчера я видел Александру.

Она могла ожидать чего угодно, только не этого. Шок был настолько велик, что первое время Нина даже пыталась понять, может ли у его слов быть другой смысл. Не рассказывал ли он ей о другой Александре? Нет ли среди их общих знакомых девушки с таким именем?

Она быстро остановила себя: это было глупо и непрофессионально. По его лицу, по голосу можно было догадаться, о какой именно Александре он говорит. Он был единственным, кто всегда звал ее только так... после ее смерти.

– Как это произошло? – спросила Нина.

Вопрос был не очень удачный, точно не лучший для этого разговора, но исправлять уже поздно.

– На утренней пробежке... На лавке сидела девушка, похожая на Александру. Это было очень рано, солнце било прямо в глаза, вот я и обознался. Но в какой-то миг сходство было обалденным, и меня это здорово приложило. Я застыл там, как баран, уставился прямо на нее. Не знаю, что она подумала, но стреканула от меня будь здоров!

Он сообщал все это со смешком, он сам себе давал шанс свести сложную, травмирующую ситуацию к шутке. Защитный механизм, и это неплохо, иначе Нина и правда забеспокоилась бы за его рассудок. Но даже так, она видела, что Ян пытается сказать ей не все, сделать случившееся не таким важным.

Напрасно. Он мог бы догадаться: она все равно поймет. Не как психолог, а как его сестра.

Тема смерти Александры была чувствительной для любого члена семьи Эйлер, а уж для Яна сложно было представить нечто более болезненное, опасное... разрушительное. Четырнадцать лет назад, когда все только произошло, к нему присматривались все. За ним следили, его никуда не отпускали одного, за него боялись.

Но свое горе, как простуду, он перенес на ногах. Ян не сорвался и не сломался, он продолжил жить, и иногда Нине казалось, что он пережил тяжкую весть лучше, чем все они. Она опасалась, что ее выводы преждевременны. Она следила за братом особенно внимательно – она ведь уже была психотерапевтом, пусть и только-только окончившим обучение! Она ждала рецидива, срыва, которого опасались все.

Но шли годы, а Ян не менялся. Он никогда не говорил о сестре, хотя вряд ли он ее забыл. Ему было проще держать все в себе, однако это не плохо и не хорошо, просто такой уж он человек. Чем больше времени проходило, тем крепче становилась уверенность Нины: он справился, Рубикон перейден, теперь уже опасаться нечего.

И вот это случилось – спустя столько лет, в ничем не примечательный день, в месте, которое никак не могло быть связано с Александрой. Конечно, триггером наверняка выступила девушка, похожая на нее. Но почему это вызвало такую сильную реакцию, что задело даже пуленепробиваемого Яна?

– Это нормально, что ты скучаешь по ней...

– Я не скучаю, – перебил ее Ян. – Я просто думаю о ней каждый день. Каждый день – одинаково, и вчера – не больше и не меньше, чем обычно.

– Это стечение обстоятельств.

– Да, я знаю, но... Я увидел не просто похожую на нее девушку, Нина. Я увидел *ее саму*. Не ту, какой она была четырнадцать лет назад, и мне вдруг показалось...

Он не смог закончить – даже через иронию, не смог. Но это было не нужно, Нина сама обо всем догадалась.

– И ты невольно подумал: а что, если она? Если ее смерть была страшным сном, а на самом деле Саша все еще жива?

– Вроде того, – неохотно ответил Ян.

– Ты сам знаешь, что это невозможно. Мне очень жаль.

– Дело не в том, что я увидел ее... Я еще почувствовал, что она передо мной... Мне не примерещилось, все во мне говорило: вот же она, сидит и смотрит на тебя! Я знаю, как это звучит и чем кажется. У меня только один вопрос: я сошел с ума?

– Нет, – вздохнула Нина, и она не лгала ему. Она надеялась взять на себя хотя бы часть его боли, но уже знала, что это невозможно.

– Тогда как это объяснить?

– Нервное расстройство, вызванное переутомлением. Я бы порекомендовала тебе пойти в отпуск, но ты ведь от этого дела не откажешься, так что... Постарайся не заикливаться на том, что якобы видел. Позволь себе забыть.

– Не слишком ли это много для нервного расстройства? Она действительно показалась мне настоящей!

– Нет, это не слишком много. Ты не просто ее брат. Вы ведь были близнецы, это на многое влияет.

– Это ни на что не влияет.

– Ян...

– Это ни на что не влияет, – жестко повторил он. – То, что мы близнецы, не дает мне никаких преимуществ перед тобой или Павлом. То, что говорят про близнецов, – в основном бред. Мы никогда не слышали мысли друг друга. Я не всегда понимал, что у нее на уме. И когда она уехала, это стало для меня таким же шоком, как для вас. Я не знал до последнего!.. А момент ее смерти? Я много слышал о том, что близнецы чувствуют боль друг друга. Смерть тем более должны почувствовать! Но знаешь, что я почувствовал в миг ее смерти? Ни-хре-на! Так что не надо мне заливать тут, что мы – близнецы, поэтому мне простительны глюки.

Сначала Нине показалось, что он просто злится на нее, потому и недоволен. Но она быстро сообразила, что это не гнев – это боль. Та самая затаенная боль, которую он, такой идеальный, обычно не показывает никому – и которая придает его словам совершенно иной смысл.

Он был близок с Александрой. Когда они были маленькими, они вообще не отличались друг от друга и казались окружающим одним человеком. Позже время внесло свои коррективы, но не сильно. У них были одинаковые сияющие глаза, одинаковые улыбки, одинаковые движе-

ния, жесты, выражение лица. Они без труда договаривали друг за другом фразы. Они редко разлучались... Он даже теперь не сказал «были близнецы», эти слова предпочла Нина. Ян по-прежнему говорил так, будто Александра все еще существует.

Пока Нина придумывала, как помочь ему, он уже взял себя в руки.

– Прости, – слабо улыбнулся он. – Не следовало орать на тебя. Не следовало вообще говорить об этом.

– Следовало!

– Я просто боялся, что схожу с ума, вроде как не было причин...

– Нет совершенно ничего страшного в том, что это произошло один раз, – заверила его Нина. – Каким бы реальным ни показался тебе опыт. Это ты считаешь, что не было причин, твоему подсознанию лучше знать. Приближается годовщина похорон, плюс та похожая девушка, переутомление – и вот результат. Не копайся в себе, не ищи дополнительные причины, просто прости себе эту слабость, ты ведь тоже человек!

– Я еще и полицейский, у которого лимит на слабости поменьше, чем у других людей.

– Я понимаю, о чем ты. Но вот тебе мое профессиональное мнение: один лишь этот случай не внушает никаких опасений, Ян. Я бы не стала отстранять тебя от работы, даже если бы ты не был моим братом. Отпусти ситуацию и забудь про нее. Но если это повторится – тогда поговорим серьезней.

– Да, ты, наверно, права... Спасибо.

Он поднялся и направился к выходу. Нина понимала, что так и нужно поступить, но чувство незавершенности все равно осталось. Поэтому, когда младший брат дошел до двери, она окликнула его.

– Ян!

– Хм?

– Ты ведь скажешь мне, если это повторится?

– Скажу. Но это не повторится! – Он снова выдал ей одну из своих обезоруживающих улыбок. Момент слабости закончился, Ян стал самим собой.

– Ты не можешь этого знать...

– Могу предположить с большой долей вероятности, что она все-таки не выкопается. Особенно четырнадцать лет спустя.

И он покинул кабинет до того, как Нина успела его упрекнуть. На этот раз у нее не получилось даже злиться на него: она понимала, что Яну сейчас тяжелее, чем ей.

День и без того был не лучшим, а теперь окончательно испортился. Все усилия Нины были направлены на то, чтобы не показать оставшимся клиентам, как ей все опротивело. Кажется, у нее получилось. Она улыбалась им, как обычно, слушала их нытье и даже задавала уточняющие вопросы. Они были довольны – или, по крайней мере, не жаловались. Когда рабочий день наконец закончился, у Нины было чувство, будто она пережила здесь столетнюю войну.

Хотелось домой – в спокойный уют своего убежища, но еще рано, слишком рано. Это в детстве можно позволить себе такую роскошь, как сбежать ото всех и спрятаться под одеялом. Опа – и проблем нет, ты же под одеялом! Но когда тебе тридцать девять, у тебя муж и двое детей, одеяло уже не спасает.

Сегодня была ее очередь забирать Никиту из садика. Можно, конечно, попросить мужа, но спорить с ним придется дольше, чем ехать туда. Лучше уж самой, быстро, как в холодную воду нырнуть! Она думала лишь об этом и едва не забыла про папку, которую оставил ей Ян.

Вспомнила в последний момент, вернулась в кабинет, забрала папку с собой, покинула офис. А уже на улице зашвырнула папку в первый попавшийся мусорный контейнер.

Она и не планировала поступать иначе. Она любила своего младшего брата и готова была помочь ему во всем, что связано с этими его видениями. Но расследование – совсем другое

дело! Ей было тяжело просмотреть эти снимки один раз, и Нина не собиралась заставлять себя проходить через это снова. У полиции есть свои специалисты, они пусть и работают, им за это деньги платят! Она же и представить не могла, что снова откроет папку в своем доме, рядом с близкими людьми.

От ее офиса до детского сада было совсем недалеко, пешком она добралась бы минут за двадцать. Но одно дело – пешком и через дворы, другое – на автомобиле и через пробки. Поэтому до садика она доехала час спустя, злая и готовая расплакаться, что было бы совсем уж непрофессионально.

Ирония заключалась в том, что в офисном здании, в котором она работала, располагался частный детский сад. Замечательное местечко, уютное, со свежим ремонтом и жизнерадостными молодыми воспитательницами. Мечта просто! Да и деньги – не проблема, за нынешний садик она платила в три раза больше. Как бы она хотела отправить туда Никиту!

Но – нельзя. Потому что это садик для обычных детей. Тех, кого общество зовет *нормальными* и *здоровыми*. Ее сына тоже иногда так зовут, пока не разберутся, что к чему.

Словно желая вознаградить ее за все неприятности этого дня, удача решила улыбнуться ей и одарить удобным парковочным местом у самого детского сада. Это чуть подняло ей настроение, и в здание Нина входила с вполне искренней улыбкой. Это же финальный этап ее личного квеста! Забрать Никиту – и все, домой!

В садике ее хорошо знали, ей не нужно было представляться и показывать документы. Младшая воспитательница кивнула ей и направилась на площадку, чтобы привести Никиту, старшая осталась рядом, чтобы обсудить грядущий ремонт игровых комнат. Все шло как обычно, не было ни намека на то, что сегодняшний день станет особенным.

А потом младшая воспитательница вернулась одна.

Нине хватило одного взгляда на ее лицо, смущенное и растерянное, чтобы понять: его нет. Причем она, скорее всего, поняла это раньше самой воспитательницы. Никиты, ее сына, нет!

Она почувствовала ужас, с которым не сталкивалась никогда в жизни. Нине был знаком страх, сегодня она боялась за своего младшего брата, и чувство было искренним и настоящим. Но оно не шло ни в какое сравнение с тем, что она испытывала теперь. Ее душой завладел первобытный, животный ужас. Она ощущала его не мозгом, а каждой клеточкой своего тела. Это чувство было таким же исконным и абсолютным, как сама ее любовь к детям.

Она могла раздражаться на Никиту, не понимать его, иногда даже говорить глупости, которые нет-нет, да и срываются с губ многих матерей – «Как же ты мне надоел», «Лучше бы тебя не было», «Исчезни, а?» Она говорила это, но никогда по-настоящему не имела в виду. И вот теперь, когда ее сын действительно исчез, ей казалось, что она сама разлетается на части.

Для любого четырехлетнего ребенка такое исчезновение было бы опасным, но для Никиты – особенно. Он же не в состоянии о себе позаботиться! Он может говорить, если захочет, но он чаще всего не хочет. А даже при лучшем сценарии, его словарный запас очень беден, ребенок легко путается, не ориентируется в пространстве. Вспомнит ли он свое имя, если понадобится? Или обстоятельства сложились так, что его имя уже не важно? Ведь неизвестно, ушел ли он по своей воле...

– Простите, Нина Михайловна, мы сейчас со всем разберемся!

– Я не представляю, как это могло произойти...

– Они играли на площадке, должно быть, он просто пошел в игровые!

Воспитательницы еще что-то ей говорили, но она уже не слушала. Нина даже не злилась на них, они для нее просто не существовали. В ее мире, охваченном ужасом, осталась только одна цель: найти своего сына любой ценой.

Пока воспитательницы металась по детскому садика и прилегающей территории, она обыскивала окружающие дворы. Методично, одну улицу за другой. Нина не плакала и не при-

читала, она не бросалась на каждого прохожего. Она просто действовала, потому что знала: если она остановится и позволит себе подумать о том, что могло произойти с красивым маленьким мальчиком, случится самое страшное.

Холодный безжалостный голос в ее голове шептал, что ничего у нее не получится. Сам Никита выбраться не мог, его кто-то вывел с территории садика, пока воспитательницы, эти клуши, пялились на экраны телефонов. Этот кто-то точно знал, что делает, и Никита принадлежит ему. Она уже ничего не исправит, не сможет, не спасет, и у нее нет сына, но она зачем-то идет, на что-то надеется...

Увидев Никиту, она сначала не поверила своим глазам. Нельзя сказать, что Нина сдалась, но она уже чувствовала, что ребенок потерян, и действовала из отчаянного упрямства. Она не ожидала, что заглянет в очередной двор – и обнаружит там своего сына, стоящего, как ни в чем не бывало, у песочницы.

На Никите была та же одежда, что и утром – джинсовый комбинезон, майка и курточка, все чистое и опрятное. Никто не раздевал ее ребенка. Никто не *трогал* ее ребенка. На лице у Никиты застыло привычное выражение невозмутимого спокойствия, однако слез на глазах не было. Не похоже, что кто-то обидел его или сделал больно!

Не помня себя от радости, Нина бросилась к нему, обняла, прижала к себе. Ей нужно было почувствовать, что он настоящий, а не просто привиделся ей! Никита, конечно же, не отреагировал, она обнимала его, как куклу, но ее это впервые в жизни не беспокоило. Нина наконец позволила себе разрыдаться и полностью осознать, *что* могло произойти – и не произошло.

Она не знала, сколько времени миновало, прежде чем она успокоилась, пришла в себя достаточно, чтобы подняться с колен. Вот тогда она и обнаружила, что Никита не просто стоит перед ней, он держит что-то в руках.

– Никита, милый, что это у тебя? Покажи маме, пожалуйста!

Она прекрасно знала, что лучше и не пытаться забрать у него игрушку. Если Никита держит что-то в руках, значит, это ему нужно, и любая попытка лишить его этого способна привести к настоящей истерике. Добиться от него чего-то можно было только с его разрешения.

Он мог и не отреагировать, такое уже бывало. Но сегодня Никита, несмотря на все свои приключения, не только не был напуган, он, похоже, пребывал в хорошем настроении. Он разжал кулачки, позволяя матери разглядеть предмет, который до этого прижимал к себе.

Никита держал игрушку – маленькую, сделанную из добротного белого дерева и расписанную яркими красками. Нина точно знала, что не покупала ему ничего подобного – и даже не представляла, где это можно купить! Похоже, эту вещь отдал ему похититель... Но зачем? И где он это взял – маленького деревянного паучка, сделанного так искусно, что каждая его ножка могла двигаться, совсем как настоящая?

Нине отчаянно захотелось отобрать у сына эту дрянь, которой касался какой-то псих, и выбросить подальше, сейчас же. Ей потребовалась вся сила воли, чтобы сдержаться, заставить себя улыбаться и говорить с Никитой, как прежде.

– Никита, солнышко мое... Кто тебе дал? Кто подарил... это?

Она надеялась, что он ответит. Когда он в хорошем настроении, такое вполне возможно, ей уже доводилось слышать от сына длинные осмысленные фразы. Вот и теперь он посмотрел на нее огромными глазами, обычно устремленными в другой мир, и уверенно произнес:

– Дала мама.

Глава 3

Не следовало идти к Нине и говорить ей про иллюзию в парке. Теперь Ян понимал, насколько это глупо. Но изменить он ничего не мог, ему только и оставалось, что не думать об этом, сделать вид, что никакой ошибки не было.

Притворяться было не так уж сложно, расследование отвлекало его, заставляло снова и снова возвращаться к кровавой сцене, развернувшейся в загородном домике. Вопреки всему, что показывают в американских фильмах и сериалах, маньяки, настоящие маньяки, встречаются не так уж часто. Ян с ними еще не сталкивался, да и не хотел бы, но преступники ведь не спрашивают разрешение у полиции, правда? Что случилось, то случилось, ему досталось дело психопата. Вот только Ян не мог избавиться от ощущения, что все слишком очевидно, слишком прозрачно в этом преступлении. Как будто ему заранее неоновыми знаками указали, кого нужно искать! Или он придумывает лишнего, стараясь найти подвох там, где его нет?

Сейчас уверенности точно не было, однако Ян надеялся, что она появится после разговора со свидетельницей. По крайней мере, так все называли Майю Озерову, хотя она никак не могла видеть, что произошло в дачном домике.

Именно для Майи предназначался тот стул, который так и остался пустым. Она была частью компании, одной из неразлучных подружек – как их теперь все называли. Она тоже получила приглашение на девичник от Елены, но не приехала. Это спасло ей жизнь.

Теперь Майю вызвали в кабинет следователя, и вряд ли ей это нравилось, но отказаться она не решилась. Если она хотя бы немногим умнее табуретки, она поймет, как подозрительно выглядит ее ситуация. Она много лет ездила на встречи с этой компанией – и отказалась именно в тот день, когда на них напали!

Майя пришла ровно в назначенный час, ни минутой раньше, но и без опозданий. Она тихо постучала, а когда Ян позволил ей войти, она проскользнула в приоткрытую дверь неслышно, как тень.

Она и была тенью – по-своему. Майя Озерова была вполне высокой, хотя до баскетболистки явно недотягивала, и широкобедрой, казалось, что верхняя и нижняя половины ее тела изначально были созданы для разных людей. Она знала об этом и скрывала, как могла: длинное серое платье дымкой вилось вокруг ее фигуры, закрывая ее, не оставляя обнаженной ни одной полоски кожи. Интересно, она всегда так одевается или устроила игру в монахиню для полиции?

Кожа у Майи была очень светлой, хоть и немного тронутая воспалениями на лице, которые были неумело прикрыты толстым слоем тонального крема. Волосы она красила в черный цвет, который ей не слишком шел, но удачно контрастировал с бледной кожей. Она напоминала бы сказочную Белоснежку, если бы от природы ей достались голубые глаза, но – нет. Глаза, наблюдавшие за Яном, горели на остром лице двумя темными угольками. Умные, спокойные глаза.

Майя двигалась беззвучно, умела не привлекать к себе лишнее внимание, и Яну несложно было представить, как на любой встрече она молчит во время общих бесед и старается не оказываться на свету. Но это вовсе не означало, что она не была уверена в себе, просто так ей было удобно.

Она заняла расшатанный стул для посетителей и посмотрела на Яна, чуть наклонив голову набок. Она напоминала ему маленькую птичку, настороженную, готовую улететь при первом же резком движении или громком звуке.

Она не плакала. Ни сейчас, ни накануне. Если бы Ян был чуть глупее, он бы принял это за доказательство ее вины. Но он прекрасно понимал: это не значит ровным счетом ничего, некоторые люди просто не плачут.

– Здравствуйте, Майя. Спасибо, что согласились прийти.

– А у меня был выбор?

– Можно было побегать и помотать мне нервы, – рассудил Ян.

– Слишком много возни на пустом месте, да и не думаю, что мне не пришлось бы потом заплатить за такие развлечения. Послушайте, я и правда хочу покончить со всем поскорее, мне надоело ходить с клеймом подозреваемой на лбу!

– Вам никто не предъявлял обвинений.

– Это вы, – усмехнулась Майя. – В смысле, полиция. Но люди уже болтают! У нас с девочками хватало общих знакомых, которые все знают... А что не знают – додумают. Когда меня вызывают в полицию, у них появляется лишний повод почесать языками.

– Тогда давайте отнимем у них этот повод. Почему вас не было в том домике?

Это был самый очевидный вопрос, которого Майя наверняка ожидала. Яну уже сообщили, что она не отказывалась от девичника в последнюю минуту. Погибшие встретились в субботу, а уже в пятницу они знали, что Майи с ними не будет. Вот только предлог, использованный ею, оказался придуманным. Она писала, что собирается посетить врача, поэтому не сможет приехать.

Однако никакого врача не было, полиция все проверила. Яну было любопытно, упомянет ли об этом сама Майя – или продолжит использовать ту же версию. Нет, не будет, скорее всего – не будет, она слишком умна...

Его догадка быстро подтвердилась: Майя спокойно и уверенно посмотрела ему в глаза.

– Я не поехала туда, потому что не хотела. Все. Остальное – просто попытки сделать это вежливо. Никто никогда не скажет: «Я не хочу больше с вами видеться, потому что вы мне осточертели». Начинаются предлоги вроде «Ой, голова болит, сопли, кашель, геморрой» или «Надо к врачу, записалась месяц назад, простите». Игра предлогов, любимое развлечение тех, кому за тридцать.

– Вам двадцать семь.

– Я рано выучила правила.

– Значит, вы не хотели с ними видеться, потому что они *осточертели*... Теперь я не могу не спросить, почему.

– Так уж хочется узнать?

– Работа такая, – осадил ее Ян. – Бурного желания копаться в вашем белье у меня нет, но у каждой профессии свои недостатки. Насколько мне известно, вы были знакомы с погибшими много лет. Почему они вдруг *осточертели* вам в один миг?

Он чувствовал: идя сюда, Майя долго думала о том, как себя вести. Смушаться? Притворяться дурочкой? Позволить себе страх? В итоге она предпочла быть иронично-наглой, показывая, что не боится полицию. Не она первая, не она последняя, хотя на памяти Яна такой тип поведения чаще выбирали мужчины.

Но любое притворство долго не длится. К чему бы там ни готовилась Майя, долго выдерживать бесцветный взгляд следователя она не смогла. Ян прекрасно знал, какое впечатление производит на людей, и умело пользовался этим. Теперь она сбита с толку – а значит, отвечать будет откровенней.

– Да, мы были знакомы много лет, – подтвердила Майя. – Дольше всех – с Леной, семь. Она познакомила меня с остальными, и сначала все было круто. Ну, знаете... Закадычные подружки, одна команда, как «Секс в большом городе» или «Друзья»... Но люди меняются, интересы и ценности – тоже. Я давно уже начала чувствовать – мне не по пути с этими людьми.

– Почему?

– С каждой – по своей причине.

– Но отказались вы от встречи со всеми сразу?

– Так было удобней. Я приняла это решение для себя, а не для них. Знаете, это как лейкопластырь снять... Кто-то предпочитает медленно, по чуть-чуть, кто-то – резко, одним движением. Каждый стремится к тому, чтобы было не больно. Я подумала, что с этого девичника начну, а дальше буду отказываться от встреч снова и снова... Я не ожидала, что все закончится вот так!

– Хорошо. Расскажите мне, почему каждая из них перестала казаться вам подругой.

Он видел, что Майя сбита с толку. Еще бы! Он должен был задавать совсем другие вопросы, которые напрашивались сами собой. На фоне чудовищного преступления, произошедшего в дачном домике, все эти мелкие женские дразги казались ничтожными.

Но когда свидетель к чему-то готовится, честности остается все меньше. Яну нужно было сделать так, чтобы Майя позабыла все свои заготовленные речи и начала говорить по делу.

– Ну, с Леной...

– Нет, – мягко прервал ее Ян. – До Елены Чайкиной мы еще дойдем. С ней ситуация особая. Давайте начнем с других. Почему, например, вы не хотели общаться с Елизаветой Давыдовой?

Из всей этой компании, Давыдова была самым «выгодным» другом: богатая наследница с большими связями, состоявшаяся бизнес-леди, которая всегда поможет с работой. Майя же работала менеджером среднего звена, по идее, ей не следовало разбрасываться такими знакомствами.

Но Майя лишь небрежно пожала плечами:

– А с ней мы как раз особо не дружили. Во-первых, у нас было мало общего, во-вторых, Лиза сама частенько пропускала наши сборища. Она много работала, иногда даже ночевала в своем кабинете. Это раньше, пока все мы были студентками, она с нами тусовалась без проблем. Когда она влилась в семейный бизнес, это стало ее главным приоритетом в жизни.

– Вас это обижало?

– Меня лично?

– Всю вашу компанию.

– За всех не скажу, но я никогда Лизу не винила. Да я бы на ее месте поступила точно так же! Но я ей не завидовала, вы не подумайте. То, что она делала, – адский труд, она не из тех наследниц, которые просто живут за счет родителей. Я уважала Лизу, но я прекрасно знала, что она не будет встречаться только со мной, и относилась к этому спокойно.

– Ясно. Что насчет Арины Васильевой?

Васильева была той самой крупной девушкой, она оказалась самой молодой в их компании: двадцать шесть лет. Судя по показаниям знакомых, она последней начала общаться с ними.

– Я не очень хорошо знала ее, – ответила Майя. – Да и не стремилась узнать получше. Арина, она... Она из тех, от кого много шума. Знаете – постоянно нужно быть в центре внимания, шуточки ниже пояса, а хохот такой, что тарелки бьются. Пучок позитива. Это не плохо, если вам такое нравится, а у меня после каждой встречи с Ариной голова болела. И еще...

Она задумалась, словно не зная, нужно ли продолжать мысль – можно ли, не подставит ли она себя. Яну пришлось поторопить ее:

– Что – еще?

– Еще для меня общение – это настоящее обсуждение чего-то. А от Арины ничего, кроме шуточек, и не добиться было. Нет, она слушала, что ей расскажем мы, и реагировала. Но о себе она информацию пипеткой отмеряла! При том, что мне было бы интересно разузнать, чем она живет. Арина нигде не работала, но денег ей всегда хватало. Она была не замужем и даже, вроде бы, ни с кем не встречалась, а все равно не бедствовала. Я пыталась расспросить ее: как так, почему? Но она всегда уходила от темы, порой довольно неуклюже.

Это и правда было любопытно. Яну уже сообщили, что Арина Васильева была единственной безработной в их компании. О том, что при этом она жила на широкую ногу, он не знал.

– Хорошо, перейдем к Оксане Миртовой, – предложил он.

Майя умела владеть собой, это чувствовалось. Вот и теперь кто-то другой не заметил бы, что это имя имеет для нее большее значение, чем остальные. Но от Яна не укрылось ничего: ни чуть поджатые губы, ни быстрый взгляд в сторону, чтобы скрыть гнев.

– Оксану я знала давно. Когда-то мы дружили, характеры похожи.

– Когда-то? А потом?

– Люди меняются, совершают поступки... Оксана сделала нечто такое, что было мне неприятно. Если честно, именно она была главной причиной, по которой я хотела выйти из тусовки.

– Что именно?

Дача, на которой были убиты молодые женщины, принадлежала именно Оксане Миртовой, но Ян предпочел пока не делать на этом акцент.

– Вы ведь полицейский, да? Тогда должны знать, что пару лет назад Оксана была в суде.

– Она не была осуждена.

Конечно, он об этом знал. Ян перестал бы уважать себя, если бы не выяснил такое сразу. Оксана Миртова работала риелтором. Полтора года назад она принимала участие в суде над группой, убивавшей стариков и алкоголиков ради квартир. Выяснилось, что именно Оксана в дальнейшем помогала оформлять документы на чужое жилье.

Вот только она клялась и божилась, что не знала правду. Якобы знакомый обращался к ней, потому что у нее большой опыт работы с документами, и любое проблемное жилье она могла «подчистить».

– Она просто пошла на сделку со следствием, – презрительно улыбнулась Майя. – Ей бы все равно много не дали, потому что никто не смог бы доказать, что она знала об убийствах. Поэтому ей позволили остаться свидетельницей, а она взамен указала на всех, кто отжимал квартиры. Вышла сухой из воды и страшно гордилась этим! Я не могла терпеть ее хвастовство.

– А остальные?

– Нельзя сказать, что они разделяли ее гордость... Лиза, например, требовала, чтобы Оксана поменьше болтала при ней об этом – она не хотела знать. Но они все принимали это... Для них Оксана не стала хуже после того случая. А я поняла, что больше не могу!

Это было важно для следствия – но не слишком. Оксана Миртова перебежала дорогу преступникам, когда выступила против них на суде. Только вряд ли это имеет отношение к случившемуся. Даже если остались те, кто хотел ей отомстить, они не пошли бы на такие меры.

Так что пришло время для основной версии.

– Вернемся к Елене Чайкиной. Что вы можете сказать о ней?

Майя не знала, что именно Елену убийца выделил среди других жертв. По крайней мере, не должна была знать: в СМИ об этом не сообщалось. Теперь Ян внимательно наблюдал за ней, ведь если ей что-то известно, она вполне может оказаться соучастницей.

Но нет, о Елене она говорила куда спокойней, чем об Оксане Миртовой.

– Ленка всегда была свободной. Уж не знаю, как ей это удавалось, но она всю свою жизнь так построила, что ее ничто не сдерживало. Она не была богата, как Лиза, но мне Ленка всегда казалась счастливее... Она занималась любимым делом, не торчала в офисе, у нее все получалось – и она была всем довольна.

– Так уж и всем?

– Судя по вашему тону, вы что-то имеете в виду, но я никак не пойму, что, – раздраженно заметила Майя.

– Я говорил с Григорием Давыдовым.

– С Гришей? А он здесь при чем? Ну, то есть, я понимаю, как он связан с убийством... Но какое отношение он имеет к Ленке?

– По словам Давыдова, не все сферы жизни Елены Чайкиной можно было считать успешными. В отношениях с мужчинами ей, похоже, не везло.

Она знала. Яну было достаточно поймать ее взгляд, мимолетный и растерянный, чтобы понять: вот оно. Может, изначально Майя и не была настроена упоминать это, потому что речь шла о личной жизни ее подруги, о темном секрете, который способен очернить имя даже после смерти.

Но теперь уже Ян не оставил ей выбора. Если бы она попыталась юлить, она сама нарвалась бы на наказание.

– Начнем с того, что Гриша Давыдов видит все с мужской точки зрения, – медленно, словно взвешивая каждое слово, произнесла Майя. – С домохозяйки, я бы сказала! Ему кажется: если у Ленки не было мужа и кучи чумазных детишек, коттеджа и золотого ретривера по кличке Барни, то она обязательно была несчастна. Полагаю, он и о сестре своей то же самое думал, но хоть держал при себе. А Ленке все это было не нужно! Она не мечтала ни о муже, ни о детях, она хотела сама выбирать, с кем жить и кого любить. Ей не нравилось, когда мужчины видели в ней свою собственность, и она не боялась их бросать.

– Это, я так понимаю, предыстория.

– А какая история вас интересует?

– Вы знаете, какая.

Майя молчала дольше, чем следовало бы. Она словно ждала возможности уйти, надеясь, что кто-то отвлечет Яна, и она ускользнет из кабинета все такой же неслышной тенью. Но спасения не было, следовательно просто смотрел на нее, и этот взгляд давил сильнее любого крика.

Ян знал, что она не выдержит, и не ошибся. Майя вышла на историю о маньяке безо всяких вопросов, и она, как и следовало ожидать, знала куда больше, чем Григорий Давыдов.

Елену Чайкину действительно изнасиловали в лесу, когда она отправилась туда ради фотографий. Вот только это сделал не незнакомец – и фотографировала она далеко не красивые листочки.

Все это началось больше года назад. Елена пресытилась очередным любовником, ей хотелось чего-то нового, острого, экстремального. Такого, чего в ее жизни еще не было – а если учитывать, что застенчивостью она не отличалась, подобных развлечений оставалось немного. К тому же, она много работала, даже свободный график не спасал ее от значительной нагрузки. Елена вела несколько крупных рекламных проектов одновременно, у нее не было времени слоняться по барам и вечеринкам.

– А секса ей хотелось, – мрачно указала Майя, словно речь шла не о получении удовольствия, а о промывании желудка. – Ленка в этом плане была похожа на кошку: если ее кто вовремя не отымеет, она будет ходить и орать на всех подряд.

В конце концов Елена доверилась интернету и направилась сразу на форум «для взрослых». Ей хотелось найти мужчину не из пугливых, готового к экспериментам, причем довольно жестким. Там она и познакомилась с тем самым «маньяком».

Она рассказывала подругам не все, но достаточно, чтобы Майя поняла: фантазии этого человека оказались слишком опасными даже для Елены. Они возбуждали ее – и пугали. Это на словах легко было рассказывать, как она мечтает смешать наслаждение с болью. Слова безвредны, они сами ничего не значат, ничем не угрожают. Поэтому Елена провоцировала своего собеседника, отсылала ему интимные фотографии, но никак не могла решиться на настоящую встречу.

– Она боялась его? – уточнил Ян.

– И да, и нет. Она видела, что этот тип хочет больше, чем она. Он был из тех, кому в кайф душисть партнершу, – сухо ответила Майя. – Избивать, щипать, иголками тыкать... Общий принцип понятен. Его возбуждали синяки или даже немного крови. Но он никогда не говорил о смерти или причинении серьезного вреда. Ленка считала, что он вполне адекватный.

– Он посылал ей свои фото?

– Не лица, если вы об этом.

– Я обо всем.

– Обо всем... Посылал ей такие же фото, как она ему. Лиц друг друга они не видели, все остальное знали. Ленка никогда не показывала нам эти фотки, но ей мужик нравился, она бы не стала лгать. Он был подтянутый, чистоплотный, следил за собой... Короче, она все маялась и не знала, как быть. Того изнасилования, о котором говорит Гриша, не было бы, если бы она этого тайно не хотела.

– То есть, это было не изнасилование?

– Изнасилование. Сложно, да? А у Ленки по жизни ничего просто не было! Она сомневалась, сомневалась, да и решила: пусть выбор сделает он. Пусть решит за них обоих! Она была готова к тому, что он нападет на нее. Но это, знаете, контролируемое изнасилование... Она знала, что ее насильник не будет жирным вонючим уродом, она уже была с ним знакома.

– Фотографии в интернете ничего не доказывают, – заметил Ян.

– Поверьте мне, Ленка умела проводить такие проверки!

– Ясно... Так значит, она назначила ему встречу в том лесу?

– Это было бы слишком просто для Ленки. Нет, это действительно было изнасилование, если рассматривать изнасилование как секс, на который женщина на словах не соглашалась. Но для нее это не было совсем уж неожиданностью. Она накануне рассказала ему, куда едет, во сколько, будут ли там другие люди. Она дала ему достаточно данных, чтобы он ее нашел. Он, думаю, воспринял это как позволение.

– А фотографии?

– Фотографировала она не матушку-природу, а себя, делала снимки, которые позже собиралась послать ему. Так что, когда он нашел ее, ему не пришлось ее даже раздевать, она там уже в одном белье перед фотоаппаратом оказалась. Ленка-то повопила свое «Нет, не надо», но нам она сказала... Сказала, что ей понравилось.

Все это время Ян внимательно наблюдал за собеседницей. Не похоже, что Майя пыталась оболгать погибшую – или что это имело для нее хоть какое-то значение. Вот Оксана Миртова ее раздражала, это факт. А похождения Елены Чайкиной вызывали разве что легкое недоумение, но при этом Майя оставляла за ней право развлекаться так, как ей угодно.

Елена и развлекалась. Григорий Давыдов думал, что она не сообщила в полицию из-за гордости, но тут он был не прав. Елена наслаждалась своим опасным приключением. Она знала, что знакомый следит за ней, но не знала, где и когда он появится.

А этот тип, судя по всему, был умен. Он очень умело выбирал безлюдные места, он появлялся рядом с Еленой, когда она меньше всего этого ожидала, и исчезал без следа. То, что Елена не заявляла в полицию, было для него не так уж важно. Скорее всего, он воспринимал это как подтверждение ее согласия. Если бы она заявила, его все равно не поймали бы. За несколько месяцев преследования она так и не узнала его имя, хотя не раз видела его лицо.

Ян тоже не собирался рассуждать, правильно вела себя Елена или нет. Его сейчас больше волновало другое: человек с такими навыками вполне мог совершить массовое убийство, не оставив улики. Но мотив? Судя по тому, что Елена рассказывала подругам, преследователь никогда не был с ней слишком жесток. Он мог ударить ее, но не сильно, он знал, когда нужно сдержаться, и не похоже, что его привлекало кровопролитие. Нужно было нечто особенное, чтобы подтолкнуть его к резне.

– Что за история с абортom? – поинтересовался Ян.

– Что, и это вам Гриша сообщил? Его осведомленность меня уже пугает!

– Не важно, кто сообщил, отвечайте на вопрос.

– Был аборт, – подтвердила Майя. – Думаю, именно это Ленка и хотела отпраздновать на том девичнике.

– Отпраздновать аборт?

– Она не говорила об этом прямым текстом, так что это чисто мое предположение...

Но – да, у меня сложилось такое впечатление. Не думайте, что она была такой стервой! Скорее всего, это решение далось ей тяжело, оно на нее давило, и Ленка решила пойти своим любимым путем: сделать вид, что она выше любых сомнений. То, что причиняло ей боль, она хотела выставить как легкое решение. Типа, «Эгей, у меня все под контролем, я все еще неуязвима!» Это было вполне в ее духе.

– Это был ребенок того человека?

– Да. Он никогда не предохранялся, Ленка говорила, что у него на этом пунктик – пометить женщину как свою... вот так. Обычно предохранение брала на себя она, но из-за новых таблеток у нее начались сложности. Врач сказал ей пока посидеть без гормонов, месяц отдохнуть. Она надеялась, что в это время он не придет, писала ему, чтобы он не приходил... Но после всего, что между ними было, он уже не воспринимал ее всерьез. Думаю, тогда был единственный раз, когда Ленка реально не хотела секса с ним, вот на все сто... Но это, опять же, мои домыслы.

– Между ними произошла ссора?

– Между ними всегда была ссора, одна и та же. Она говорила: «Нет», он говорил: «Тебя никто не спрашивает». Не представляйте вы их отношения как обычный роман! Я, если честно, и сама не знаю, как это описать, но... У них были свои правила.

Это Елена Чайкина думала, что у них были хоть какие-то правила. Ян уже догадывался, что произошло на самом деле.

Елена умудрилась подцепить на бескрайних просторах Сети настоящего психа. Вот только она вряд ли это поняла. Она привыкла побеждать, получать от жизни все, она и подумать не могла, что на этот раз угодила в болото, которое будет медленно и неизбежно утягивать ее на дно. Даже странные, извращенные встречи с этим мужчиной Елена видела через призму нормальных отношений: есть два партнера с правом голоса, каждый может остановить это, если захочет.

Но она была в безопасности, только пока устраивала его. Как только она сделала что-то такое, что вызвало его гнев, приговор был вынесен.

– Он знал о беременности?

– Не знаю... – нахмурилась Майя, пытаясь что-то вспомнить. – Ленка, кажется, ему не сообщала. Она считала, что это не его дело. Это был *ее* ребенок, и только она решала, как с ним поступить. Ему и не обязательно было знать! Она уже вычислила: если просто сказать ему не приходите и оставить ее в покое, он не послушается. Но если она будет с кем-то, он не ползет.

Это она так считала. А он все равно мог узнать о ребенке – и об аборте. Если для него было важно «метить» женщину, то и ребенок вряд ли остался бы неважным и ненужным. Нет, для этого человека ребенок был собственностью, которую Елена уничтожила.

– Я больше о них ничего не знаю, – подытожила Майя. – Наверно, я кажусь вам бесчувственной, раз не заявила, что с моей подругой такое происходит... Но, знаете, ни у меня, ни у других девочек никогда не было ощущения, что с Ленкой действительно беда. Она не рассказывала нам об этом, она хвасталась. Чувствуете разницу?

– Я догадываюсь, какой эта разница была для нее. Спасибо. С вами свяжутся, если еще что-то понадобится.

Теперь она могла уйти, Яну и правда пока хватало информации. Однако Майя не двинулась с места, и на следователя она не глядела.

– Вы ведь не скажете, как произошло убийство? В интернете об этом не пишут...

– Не скажу, – подтвердил Ян.

– Рано или поздно напишут.

– Когда напишут – не читайте. Вам лучше не знать.

– Там ведь было место для меня, да? – Майя попыталась улыбнуться, но улыбка вышла кривой и болезненной. – Он приготовил место для меня? Если он следил за Ленкой, он знал всю нашу компанию. Не знал только, что меня не будет на той встрече!

– Не думайте об этом.

– Как?! Как можно о таком не думать? Что, если он начнет охотиться за мной?

– Не начнет. Вы для него не опасны, а скоро он будет найден. Это просто вопрос времени.

Ян знал, что Майя ему верит – он умел убеждать. Еще секунду назад она готова была расплакаться, но теперь, слушая его, успокаивалась.

Он не врал ей, он действительно считал, что преступника скоро найдут. Майя дала им важнейшую подсказку, которой должно быть достаточно. Компьютеры жертв и так уже изучают, и у Елены Чайкиной, похоже, найдут кое-что интересное. Ведь одно дело – искать маньяка, которого никто не знает, который появляется по своему желанию, безликий и безымянный. Другое – разыскивать человека, за которым тянутся килобайты чатов и десятки интимных фото.

Нет, он попадетсЯ, это наверняка. Но ведь он должен был знать, что попадетсЯ, тут и среднего ума хватит, чтобы сообразить! Вопрос в том, найдет ли он способ скрыться.

Ничто больше не держало Майю в кабинете, и она направилась к выходу, но у двери все же задержалась.

– Передайте мои соболезнования Грише Давыдову. Я сама не рискну позвонить ему, я – трусиха, но мне его жалко. По нему случившееся ударило больнее всего.

– Почему вы так думаете?

– Всем родственникам погибших больно, это понятно. Но Гриша не просто потерял сестру... Они с Лизой были партнерами по бизнесу. Она вела семейное дело, он был на подхвате. Понимаете, они идеально дополняли друг друга! Лиза – новатор, человек пробивной и творческий, Гриша – идеальный организатор. Они были единым механизмом. Теперь ее нет... Не знаю, как он справится. Не хотела бы я оказаться на его месте!

Похоже, Майя попала в точку. И не потому, что она верила своим словам – человек способен заблуждаться, даже веря себе. Просто ее рассуждения объясняли реакцию Григория Давыдова там, в загородном домике.

Ни один брат не остался бы равнодушным, увидев сестру в таком состоянии. Но Давыдов убивался так, словно и ему теперь придется умереть. Сначала это насторожило Яна, теперь вот все стало на свои места. Григорий понимал, что он не просто потерял близкого человека. Он потерял то простое, стабильное, успешное будущее, которое обеспечивала ему Лиза. Поэтому он рвался во что бы то ни стало найти убийцу, отомстить и за нее, и за себя.

Но его рвение сейчас мало что изменит. Дело за компьютерщиками – чем быстрее они выйдут на насильника, тем лучше. Он должен быть связан с резней в загородном доме, таких совпадений просто не бывает!

Когда Майя ушла, Ян пытался работать с документами, но мысли летели в другую сторону. Можно сколько угодно повторять себе, что сейчас это неуместно и неправильно. Его разум, обычно холодный и ясный, теперь поддавался отраве, сочившейся из памяти. Ян начал рассуждать о Григории и Лизе – а потом вдруг думал о собственной сестре.

В кабинете ему стало душно, стены не то что давили – раздражали. Хотелось пройтись, чтобы успокоиться, дать выход лишней энергии, привести мысли в порядок. Это было несложно: никто никогда не следил, где он находится, никто не задавал ему вопросов. Поэтому он ушел, не дожидаясь конца рабочего дня.

И все же – какого черта он пошел к Нине? Зачем завел тот разговор? Он ведет очень важное расследование. Если возникнет хоть малейший повод усомниться в его психическом здоровье, его могут отстранить. Тогда все результаты его работы окажутся под сомнением – и, как знать, вдруг это поможет преступнику уйти от ответственности!

Вряд ли Нина способна так с ним поступить, но он все равно не имел права рисковать. Проблема была не так уж велика, он справился бы сам! Нина сказала ему, что беспокоиться не о чем. Но что она *подумала*? И что будет думать дальше? Главное, чтобы никому не разболтала!

Его автомобиль плавно влился в поток других машин, еще не слишком напряженный, достаточно быстрый, чтобы не раздражать. Яну хотелось бы льстить себе мыслью, что это просто прогулка. У него нет пункта назначения, он катается по городу! Но такой примитивный самообман был бы унижительным. Он не из тех, кто сжигает время вместе с бензином. Пункт назначения должен быть всегда, и подсознание его уже знает, даже если сознание отказывается признавать. Ян просто старался не думать об этом до последнего – пока не отказался перед воротами кладбища.

Он мог бы заехать на территорию, достаточно лишь заплатить, однако он предпочел припарковаться у забора. Не из-за денег – деньги давно уже перестали иметь значение. Не потому, что их очень много, а потому, что их хватает. Но ему нужно было пройтись, почувствовать движение собственного тела... почувствовать себя живым. Это и было его целью с самого начала.

Нет, нельзя больше заводить с Ниной разговоры на эту тему, а если она спросит, отшутиться и не ляпнуть лишнего. Ведь если позволить себе чуть больше, он может упомянуть то, что упоминать совсем не стоит.

Рано или поздно Нина укажет ему: ты же так хорошо пережил это четырнадцать лет назад! Ты был самым сильным из нас! Просто вспомни, как ты справился тогда, пусть это поможет тебе сейчас, раз горе подкралось неожиданно.

Как ты пережил это тогда, братец?

Но я это не пережил...

Вот что знал только он один – и не позволил бы узнать никому другому. Ян и сам изучал психологию, чтобы получить ответы на вопросы, которые нельзя задавать. Рассматривая собственную историю отстраненно, объективно, он понимал, что дела его плохи. Тогда, четырнадцать лет назад, он получил серьезную психологическую травму, которую так и не преодолел. Такое нужно лечить – а он позволил ситуации закрепиться и усугубиться.

Вы ведь были близнецы...

Объективная сторона его разума знала неприглядную правду. Он затаил в себе то, что испугало бы Нину до истерики, что погубило бы его карьеру, не позволив ему стать полицейским.

Я не пережил это. Я умер вместе с ней, а она осталась жива вместе со мной. Я лежу под крышечкой белого гроба. Я слышу, как на меня падает дождь, крупные холодные капли. Королевские лилии – последний подарок для меня. Я не плачу и спокоен не потому, что я – герой и сильнее вас. Я стою перед своей могилой и смотрю на свой гроб. Вам грустно, потому что вы еще живы.

Мы были близнецы... Мы и сейчас близнецы. Близнецы – единое существо, и нельзя, чтобы один из них просто умер, как умирает обычный человек. Когда умирает один из близнецов, остается одна вторая. Но одна вторая в прошлом живого существа – это не обязательно полноценное живое существо. Это просто половина, которая никогда не будет равна единому целому.

Он знал проблему, чувствовал ее и только этим успокаивал себя. Ян убедил свою совесть: до тех пор, пока он всем управляет, пока держит боль на коротком поводке, он не угрожает ни себе, ни окружающим. Им не обязательно знать, что он умер в тот день!

Он даже научился использовать затаенную травму себе на пользу. Он быстро построил карьеру, потому что полностью освободился от страха и боли. Коллеги, даже старшие из них, прониклись к нему уважением. Его отвага никогда не была безумной, казалось, что он просто слишком умен для страха. Ян никому не объяснял, в чем на самом деле его секрет.

Чего мне бояться? Я уже мертв. Что можно сделать мертвецу? Да ничего, у мира больше нет против меня оружия.

В самых сложных ситуациях, когда инстинкт самосохранения пытался взять свое, Ян просто призывал в памяти дождливый день, белоснежный гроб и букет лилий, отчаянно красивых, неуместно живых...

Я давно уже под землей. Мне нечего бояться.

Его воспоминания превратились в хроническую болезнь, он с ними свыкся. Поэтому он оказался не готов к тому, что почувствовал в парке. И теперь это подтачивало его изнутри, как крошечная трещина в дамбе, которая угрожает рано или поздно сломать величественную постройку и выпустить на свободу потоки воды. Чтобы сохранить рассудок, ему нужно было заделать трещину, и пока Ян придумал только один способ.

Он шел к ее последнему пристанищу за советом, как приходил уже сотни раз. Ян появлялся здесь и раньше, это было не больно, хотя он прекрасно знал, что это и его могила тоже. Когда бы он ни умер, его похоронят тут, вне всяких сомнений. Эта мысль была бесцветной и обыденной, как мысль о погоде.

Никто из семьи больше не появлялся здесь так часто. Да и зачем? У его старших брата и сестры были свои семьи, дети, напряженная работа. Поездка на кладбище становилась своего рода ритуалом, для которого есть специально отведенные даты и поводы. Ян прекрасно знал, что могилу Александры никто не навещал с июля – когда он сам был там. Нина и Павел приедут где-нибудь в октябре-ноябре, чтобы прибраться перед зимой, но уж точно не сегодня, не сейчас, так что их уединение никто не нарушит.

Он знал, что скажет сестре, о чем ее попросит. Ян не был религиозен и не верил, что призрак Александры парит где-нибудь рядом, оберегая его – такая перспектива представлялась ему полным бредом. С другой стороны, он никому не смог бы объяснить, во что верит. Ему просто казалось, что если там, под землей, одна вторая его самого, то связь должна быть, и не важно, какая.

Поэтому речь для сестры он готовил так же тщательно, как Майя Озерова, должно быть, готовила свои показания перед встречей с ним. Но, дойдя до могилы, Ян позабыл паутину красиво сплетенных фраз за один миг.

У могилы кто-то побывал. Это открытие прошло через него электричеством, заставляя забыть обо всем остальном. Оно не причиняло боли, как та встреча в парке, и оно не повлияло бы на Яна так, если бы не события последних дней. Но теперь оно приобрело неожиданную власть над ним, которую нельзя было игнорировать.

Нет, сейчас могила была такой же пустой и одинокой, как раньше, да и на кладбище он не видел ни души. Однако кто-то побывал здесь совсем недавно! Незнакомец вырвал траву у могильной плиты и оставил для Александры подарок на черном мраморе, прямо под фотографией.

Белоснежная лилия. Крупная, как птица, с похожими на крылья лепестками. Еще живая лилия, наполняющая прохладный осенний день горьким ароматом. Вызывающе свежая, указывающая, что ее оставили здесь не раньше вчерашнего вечера. Или этим утром? Да, наверное, утром, ведь ночь была морозной, а хрупкие лепестки не выглядят поврежденными холодом.

Одна-единственная лилия, странный дар для покойницы. Символ жизни, а не смерти.

Символ того, что отпустить ситуацию и забыть обо всем, как советовала Нина, уже не получится.

Глава 4

Алиса Сагалова прекрасно знала, что она слишком красива для своих амбиций. Нужно было или менять амбиции – или приспособливаться. Она предпочла второй вариант.

Она хотела всего добиться своим умом, забраться на вершину так, чтобы ее пол и внешность не имели значения. Алиса знала, что способности у нее есть – все это признавали. Ее бабушка всегда с сожалением говорила, что ей не повезло родиться умной. Алиса сначала думала, что это шутка.

Повзрослев, она поняла, что бабушка не шутила, а пол и возраст всегда будут иметь значение, нужно просто понять, как ты собираешься это использовать. Если бы она не разделяла карьеру и личную жизнь, если бы относилась к внешности так же, как к уму и образованию, этот ресурс значительно ускорил бы ее продвижение наверх. Ей даже не нужно было бы спать со всеми подряд, достаточно парочки уважаемых мужчин – и все. У нее свой кабинет и громкая должность.

Но Алиса так не могла. Она осознавала, что должность в таком случае будет игрушечной, а кабинет будет предназначен вовсе не для той работы, на которую она рассчитывала. *Ты можешь обставить его как угодно, детка, главное, чтобы там был большой кожаный диван.* Да она бы себя уважать перестала! А если так, зачем ей все остальное?

Поэтому она выбрала сложный путь. Алиса не пыталась изобразить дурнушку – это выглядело бы дешевой голливудщиной. Свою красоту она принимала как вызов, не скрывала, но и не подчеркивала. Она всегда одевалась стильно, модно, без намека на сексуальность. Ее костюмы были строгими и закрытыми, но даже они не могли скрыть ее соблазнительную фигуру: Алиса была невысокой, стройной, с удивительно тонкой талией, округлыми бедрами и аппетитной грудью. По мнению женщин, она была «чуть полноватой, не мешало бы сходить в тренажерку». По мнению мужчин, тренажерка была последним местом, где Алисе следовало бы появляться.

Она не носила яркие цвета, в основном черный, серый или, в жару, белый, потому что она и сама была яркой. Ее длинные густые волосы пылали осенней медью, глаза искрились, как изумруды, по фарфоровой коже природа небрежно рассыпала мелкие золотистые веснушки. Алиса использовала мало косметики. Словом, ее нельзя было упрекнуть в том, что она кого-то пытается соблазнить, и все равно сплетни и слухи цвели за ее спиной пышным цветом. Давала она для них повод или нет – никого не интересовало.

Поначалу ее усилия ни к чему толковому не приводили. Она с отличием окончила университет, но оказалось, что этого недостаточно, чтобы быстро получить работу. Женщины-рекрутеры ее игнорировали, считая, что она не сработается с коллективом. Мужчины с сожалением смотрели на свои обручальные кольца, просчитывали в уме вероятность скандала и отказывали. Были и те, кто ее нанимал, но на испытательном сроке Алиса рано или поздно обнаруживала чужую руку на своих плечах или липкий взгляд на застегнутой под шею блузке.

Она злилась, раздражалась, но ничего изменить не смогла. Она уже подумывала, что в юриспруденции ей делать нечего, когда ей посчастливилось познакомиться с Денисом.

Денис Уралов был молод, умен и амбициозен, совсем как она. Он быстро разобрался, что у Алисы намного больше достоинств, чем кажется на первый взгляд. На собеседовании он не любовался ею, как коллекционной куклой, он задавал ей вопросы, проверял на сообразительность, скорость реакции, умение искать решение проблем. Они проговорили почти три часа. На следующий день она получила работу.

Так Алиса стала помощником одного из самых молодых прокуроров Москвы.

Она обожала эту работу. Здесь у Алисы была не только возможность однажды подняться наверх, было чувство, что она делает нечто по-настоящему важное. Нужное людям! Денис

был карьеристом, да еще и из влиятельной семьи, у него не было причин тонуть в коррупции, поэтому Алиса уважала его и всегда становилась на его сторону.

Это не значит, что он остался совсем равнодушным к ней. Когда они только начали работать вместе, он делал осторожные намеки. Алиса знала, что стоит ей только захотеть – и они тут же окажутся в постели. Но она не хотела. Денис, которому не было и сорока, уже обзавелся внушительным пивным брюшком, нелепо смотревшимся на высокой тощей фигуре, и старательно маскировал растущую плешь на макушке оставшимися волосами. А чуть позже у Дениса появилась невеста «с приданым», и мысли о связи с помощницей отпали сами собой, граница между профессиональным и личным была прочерчена. Это не значит, что толпа не болтала ерунду, но на такое Алиса научилась не обращать внимания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.